

Александра
МИРОНОВА

Между любовью и страхом

*Перекресток
Старого профессора*

Александра Миронова

Перекресток Старого профессора

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронова А. В.

Перекресток Старого профессора / А. В. Миронова — «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-092719-7

Мона, кажется, родилась с серебряной ложкой во рту. Отец ее боготворит, денег всегда более чем достаточно, а потому все, что ей требуется от жизни, – это острые ощущения. Наркотики – пожалуйста, секс в кабинке супермаркета – да с удовольствием! Но однажды Мону похищают, и она оказывается в очень странном месте, называемом Перекрестком Старого профессора, более всего похожим на психиатрическую клинику или тюрьму строгого режима. Возможно ли вообще выжить в подобных условиях той, кто привыкла, чтобы ее малейшие прихоти немедленно исполнялись?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092719-7

© Миронова А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Александра Миронова

Перекресток Старого профессора

© Миронова А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Моей маме. Спасибо за веру в меня

Сегодня ночью она обрезала волосы. Сама. Маникюрными ножницами. Ей не спалось, ничего не помогало – ни два бокала вина перед сном, ни косяк, выкуренный втихаря в ванной. Спасительных дорожек не было, он об этом позаботился. Ближе к двум часам поняла – все дело в волосах: слишком тяжелые, тянут вниз, к земле. К той, что ушла. Ведь он всегда говорил, что у Моны локоны точь-в-точь, как у нее.

Конечно, он будет орать. Может, даже ударит. Накажет. Лишит чего-нибудь. Фантазия у него богатая. Около часа она крутила в голове разнообразные изощренные способы, которые все это время использовались для ее наказания и укрощения. Перебирала словно бусины, нанизывая одну на другую, точно зная, что его фантазия куда богаче ее воображения.

Ближе к трем взяла ножницы и откромсала длинные кудри. Они упали на пол словно змеи, душившие ее все эти годы. Стало легче. Голова как перышко. Маленькими ножницами совершать акт вандализма было не очень удобно и она так устала, что в конце концов, отрезав последнюю прядь, бросила ее прямо на паркет. Сама опустилась рядом, да так и заснула, пригревшись на теплом полу.

Хорошо, заранее завела будильник, иначе бы точно проспала и весь коварный план покатился бы к чертям. Ей важно было не опоздать, чтобы сполна насладиться эффектом своего непослушания.

Ведь он всегда вставал в шесть утра, что бы ни случилось. Время с шести до семи было для него неприкосновенным. Она бы многое отдала, чтобы узнать о происходящем в этот час за дубовой дверью кабинета, но та всегда была закрыта на замок. От нее.

Ровно в семь часов десять минут он спускался вниз к завтраку – с еще влажными после душа волосами, вкусно пахнувший. На столе уже ждали газеты. Мона никогда не понимала этой нелепой привязанности к макулатуре. Такое впечатление, что все движения экологов и защитников природы прошли мимо. Он не признавал искусственную кожу и меха, электронные книги, веганское питание. Наверное, поэтому она последние три года ела только овощи и фрукты, а одежду носила исключительно из синтетических материалов. Впрочем, кого это волновало?

Ровно в семь десять она сидела за большим столом, накрытым к завтраку на одну персону. Горничная удивилась, увидев Мону в столовой в такое время. Обычно та не появлялась раньше полудня. Девушка распорядилась сделать ей смузи со шпинатом (новомодная штука, говорили, что от нее худеют). Та молча удалилась. Мона по привычке запустила руку в волосы и чуть не вскрикнула от удивления – рука быстро прошла сквозь короткие пряди и очутилась на воле, а ведь раньше она всегда путалась в длинных локонах и могла часами крутить их. Мона вдруг подумала, что она как рука – вырвалась на свободу. Но за это придется заплатить.

Отец спустился ровно в семь десять. Выбрит, одет, готов к новому дню. В руках бумаги – секретарь, приезжавшая в дом к шести тридцати, всегда распечатывала электронную почту к завтраку. Мона вжала голову в шею – ну, сейчас начнется.

– Привет, папа, – с трудом сглотив, поздоровалась она.

– Привет, – кивнул дочери Михаил Борисович – высокий, статный, похожий на вылитого из серебра колосса. Он отлично вписывался в атмосферу столовой, обставленной в стиле неоклассики.

Он был готов к началу рабочего дня – белоснежная рубашка и безупречно сидящий английский костюм.

Отец прошел на свое место во главе большого стола и сел. Тут же рядом появилась горничная, налила традиционную чашку кофе – завтрак он всегда начинал с нее. Михаил Борисович положил рядом бумаги и, игнорируя дочь и ее новый облик, погрузился в чтение. Горничная, поставив перед Моной стакан со смузи, испарилась. Девушка сделала глоток и робко поинтересовалась:

– Как дела?

– Хорошо, – ответил отец, не отрываясь от бумаг.

– Что пишут?

– Это по работе. – Он сделал глоток кофе. Мона почувствовала глухое раздражение в его голосе.

– Я понимаю, что не анекдоты из Интернета. Что по работе пишут?

Он поднял голову и внимательно посмотрел на дочь. Замуж. Срочно замуж. Девка дуреет от обилия свободного времени. Поморщился словно от боли и сделал еще один глоток, прежде чем ответить.

– Что тебя интересует? Биржевые сводки, биткоин, курс золота? – поинтересовался насмешливо, не сводя глаз с дочери. К сожалению, несмотря на образование, полученное в одной из лучших британских школ, она вряд ли понимала, о чем он сейчас говорит.

– Ну, – дочь поперхнулась зеленой гадостью, которую цедила из высокого стакана. Очередная диета. Ее уже ветром сносит, – расскажи мне, что такое биткоин?

– Маша, тебе что, нечем заняться? – Отец отложил в сторону бумаги, одним глотком допил кофе и приступил к завтраку – традиционной овсяной каше, сваренной на воде.

– У меня куча дел, папа. – Дочь добавила сарказма в голос, но отец, кажется, ничего не заметил.

– Ну так и займись ими и не отвлекай меня. – Михаил Борисович с трудом проглотил первую ложку каши, раздосадованный тем, что дочь прервала утренний ритуал. Он о чем-то думал до того, как вошел в столовую, но Маша сбивала его с мысли. Что ей в голову стукнуло подняться в такую рань? Ведь обычно спит до двенадцати. Нет, определенно, у девчонки слишком много свободного времени. Михаил Борисович отодвинул стул и встал. Поест в офисе. Попросит, чтобы кашу принесли из столовой.

– Деньги нужны? – дежурно поинтересовался он.

– Нужны. И часы новые. – Мона улыбнулась отцу, демонстрируя подарок – очень дорогие часы, инкрустированные драгоценными камнями. Она прекрасно знала, что их упоминание заденет его. И оказалась права.

– А с этими что? – Отец нахмурился.

– Сломались, – пожалала плечами она, выразительно тряхнув рукой.

– Быть того не может, – Михаил Борисович тяжело посмотрел на дочь, – у меня часы того же бренда, уже десять лет идут бесперебойно. Ты что-то с ними сделала?

– Ничего я с ними не делала, они просто остановились, ясно? Посмотри, пожалуйста, может, там что-то с заводом?

– Я не часовой мастер, обратись по гарантии, – отрезал отец.

Михаил достал из бумажника две купюры по пятьдесят долларов и бросил на стол – не стоит слишком баловать детей и давать им в руки крупные деньги. Особенно учитывая предыдущий опыт. Дочь не сводила с него глаз, гадая, заметит ли он ночной акт вандализма, скажет

ли что-нибудь про Лясечку, про гордость, про волосы? Заорет, в конце концов? Но отец лишь чмокнул ее в щеку, собрал все бумаги и вышел из комнаты.

Еще несколько минут Мона смотрела ему вслед, закусив губу. Локоны было жаль до слез. Смоляные, густые, блестящие, кудрявые. Все зря. Отец ничего не заметил.

Михаил Борисович прошел через холл, свернул в небольшой коридор, открыл дверь в гараж, быстро вошел в него и сел в машину. Со всей силы ударил по рулю. Чертовка девчонка! Она все-таки отрезала волосы, а они делали ее так похожей на мать и заставляли его снова и снова прощать все выверты и капризы. Естественно, она это сделала, чтобы развести его на эмоции. Естественно, он не поддался. Но это не может так больше продолжаться.

* * *

– Слушай, а Роману ты это давал читать?

Алиса смотрела на Яна хрустальными глазами, кивая на толстую пачку листов, которую держала в руках. Его рукопись.

– Нет, что ты, – усмехнулся Ян, – писатель у нас в семье один. Я и не лезу. Просто пишу каждый день понемногу, для собственного удовольствия.

Здесь он немного слукавил. Писательство было для него не удовольствием, а роком, судьбой. Ведь несколько поколений его семьи так или иначе были вовлечены в работу с языком. По учебникам его деда и отца преподавали в школе, а его родного брата все чаще сравнивали то с Чеховым, а то и вовсе с Достоевским. Сам Ян застрял где-то посередине – и преподавая, и втайне работая над рукописью.

Ян искренне верил, что нет ничего в мире сильнее слова. Он был влюблен в него, одержим. Он пришел в этот мир для того, чтобы сделать его лучше через свои книги. Он пополнит словарный запас человечества. Ведь чем больше слов человек знает, тем шире он мыслит, тем больше понимает и тем свободнее становится.

Таланты Яна на педагогическом поприще не остались незамеченными – несмотря на молодость (а он только недавно отпраздновал тридцатилетие) уже несколько раз был удостоен награды «Учитель года». Лучшие гимназии города боролись за него и даже (неслыханное дело в сфере образования!) пытались перекупить у конкурентов. А уж об очереди из желающих получить его в качестве репетитора и упоминать не стоило. Ян был нарасхват, и люди записывались к нему за несколько лет.

Все это было его жизнью, работой, призванием, а тексты – тексты были его страстью. В них он изливал себя настоящего. Слова извергались из него словно расплавленная бронза, которая, застыв, должна была стать памятником.

Каждый вечер, завершив все дела, он заваривал литр крепкого чая, садился в старое кресло в кабинете, включал высокую лампу, и вся его жизнь сужалась до теплого круга света, в котором оказывалось потертое кресло. Он открывал компьютер и уходил в другую реальность, и там чувствовал себя богом. Легким росчерком пера – как жаль, что это старомодное выражение уже нельзя применить в современных реалиях – он творил миры, правила, людей такими, какими бы ему хотелось их видеть. Он словно старательный копатель слой за слоем отбрасывал всю шелуху фраз и клише, первых приходящих на ум, погружаясь все глубже, в самую суть, подбирая самые точные слова и выражения.

В старом кресле Ян засиживался порой до утра. Это было хобби, увлечение, способ получить удовольствие.

Но выносить эти работы на другой уровень? Показывать их профессионалам? Сравнение с Романом тогда просто неизбежно.

– Ты боишься, что вас будут сравнивать? – догадалась Алиса, пристально наблюдая за его выражением лица.

Они познакомились недавно. Девушка позвонила и попросила о нескольких частных уроках. Обычно Ян обучал детей, но работа со взрослым человеком показалась достаточно интересным вызовом. Хотя он так и не мог понять, зачем уроки понадобились Алисе. Да, она не была образцом изящной словесности, но и особых ошибок в речи не допускала.

В ответ на ее вопрос он покраснел. Сравнения с братом он и страстно желал, и боялся одновременно. Страх показаться бездарностью на фоне гениального Романа разъедал его как соляная кислота. Поэтому он старался об этом не думать. Поэтому никому и не показывал свои тексты кроме Алисы. Почему решил доверить их ей, он и сам не знал. Хотя нет, кому он врал – все прекрасно знал, хотел произвести впечатление, ведь в глубине души надеялся, что написал гениальный роман. Который превзойдет все то, что написал Роман. Романы, которые написал Роман, – каламбур всегда казался ему на редкость дурацким.

– Если хочешь, я могу сама дать ему рукопись и сказать, к примеру, что это я написала. Так ты будешь уверен, что рецензия беспристрастная, – предложила Алиса.

– Роман не рецензирует рукописи, – покачал головой Ян.

– Доверься мне, – обольстительно улыбнулась девушка, – просто дай его координаты, и я все устрою.

Алиса приходила к нему вечером после работы, они встречались на веранде старого родительского дома, девушка садилась в папино кресло-качалку (старику она настолько нравилась, что он сам уступал ей любимое место), они занимались, а потом Алиса читала рукопись. Ян сидел напротив и наблюдал за круглым добродушным лицом, по которому, как по глади озера, пробегали волнами всевозможные эмоции – удивление, восхищение, сопереживание, печаль, обида и искреннее горе.

Дочитав роман до конца, Алиса несколько часов просто сидела молча, сложив руки на коленях, а затем спросила, есть ли у него что-нибудь еще? И с этих пор это стало их традицией, ритуалом – веранда, кресло, чтение, вплоть до первого снега, когда веранду замело и сидеть там стало решительно невозможно – не помогали ни пледы, ни обогреватели.

Ян подозревал, что Алиса тайком ждет приезда Романа на Новый год, чтобы ненароком встретиться с ним и подсунуть ему рукопись брата. Она не знала, что Роман вот уже много лет не приезжал в родительский дом. Был слишком занят.

Но Ян, настолько вдохновленный ее энтузиазмом, зимой сам решил поехать в столицу, в издательство. Никакой бумажной или электронной почты, он должен отвезти рукопись лично. Роман? Да к черту Романа! То, что он написал, намного сильнее всего, что создал его модный братец. Иначе бы Алиса так не реагировала.

Родители открыто протестовать не решились, но прямо перед поездкой мама все-таки распереживалась – ну зачем, неужели ему плохо живется? Да его на руках носят ученики и родители, зачем он лезет в писатели, уже один есть в семье! Разве Ян не понимает, какой это неблагодарный труд и как все зависит от вдохновения, от настроения того, кто принимает решение, от капризной публики, моды, в конце концов? Да, Роман попал в струю, но он... Мама не договорила, вовремя прикусив язык. Соперничество между сыновьями не прекращалось ни на минуту с того момента, как она родила младшего.

Она могла и не продолжать. Ян знал, что она считает Романа более талантливым. Но стараниями Алисы он позволил себе роскошь наконец-то поверить и в собственные способности. Ян чувствовал себя дайвером, вынужденным долгое время экономить кислород и наконец-то вынырнувшим на поверхность и захлебнувшимся свежим воздухом. Когда позволил себе поверить, что тоже может стать писателем, выражать себя, сделать шаг и выйти за рамки той скорлупы, в которой жил все тридцать лет, ему показалось, что наконец-то он начал дышать.

Для поездки выбрал шинель. Почему-то ему казалось, что писатель должен выглядеть как-то особенно (возможно, потому, что Роман не уделял внешнему виду никакого внимания). Да и не может он явиться в издательство, неся в руках пластиковый пакет с рукописью, просто

в джинсах и потертой дубленке, в которых ходит большую часть времени. Так его наверняка примут за графомана и не пустят дальше охраны. А если он будет выглядеть достойно, смело, интересно, то, возможно, у него есть шанс добраться до редактора.

Старую серую шинель с потускневшими медными пуговицами отыскала Алиса, работавшая костюмером в театре. К ней он добавил тяжелые армейские ботинки, черный свитер под горло в стиле Стива Джобса (предпринимателю он принес удачу в свое время. Возможно, Яну тоже повезет) и серые брюки. Увидев себя в зеркале, даже отшатнулся – это был не он. Но Алиса убедила, что он выглядит сногшибательно. Самому Яну пришло в голову сравнение с треугольником – вся его фигура была пронизана стремительной угловатостью, даже волосы, падавшие на глаза, вдруг сложились сосульками и заострились, как колючки ежа. Бледное лицо, черные горящие глаза, весь порыв и стремление. Он поделился своими мыслями с Алисой, и та хихикнула – ей казалось, что он больше похож на карандаш, такой же высокий и худой, а она рядом с ним как ластик, – маленький и толстый.

* * *

Кейт как всегда опаздывала. Где-то она вычитала такой прикол, на свидания не надо приходить вовремя, тогда сразу понятно, интересна ты или нет. Если парень ждать не будет, можно сразу слать лесом, а если досидит, то годный, готов к рассмотрению. Ну и еще нужно сделать умное лицо, типа была очень занята и поэтому опоздала. В этом же источнике Кейт вычитала, что мужики не любят бездельниц, чтобы их зацепить, нужно всегда быть занятой. Он должен умолять найти для него время в плотном графике. Все бы хорошо, но основная проблема была в том, что Кейт начала опаздывать везде, включая встречи с подругами. Мона всегда приходила вовремя и жутко бесилась, но ничего поделать не могла.

Вот и сегодня она цедила минеральную воду без газа в небольшом кафе посреди торгового центра, роясь в телефоне и подсчитывая лайки к новой фотке в Инстаграме, каждые две минуты включая камеру, чтобы проверить как выглядит. Сегодня кроме встречи с Кейт еще ожидало и первое настоящее свидание с Грегором, ее новым увлечением. Он намекнул ей на романтический сюрприз и сказал, что будет ждать в одном из магазинов. В кабинке для переодевания.

От очередного сеанса самолюбования Мону отвлек шум ссоры – через два столика от нее сидела парочка. Девушка с размазанным макияжем, одетая как сельская учительница, и довольно симпатичный парень. Судя по свитеру в обтяжку, под которым угадывались крепкие мускулы, он уделял внешнему виду гораздо больше времени, чем его подруга.

Девушка что-то бессвязно говорила, повышая и повышая голос, а парень напряг спину и наклонялся к ней все ближе, отчаянно шипя и стараясь купировать скандал. Но ту было не остановить. Она вскочила и закричала:

– Ты, урод! Я видела фотографии! У меня дома, на моей постели, а она знает, что это моя квартира?

– Вот дура, – рассмеялась за спиной у Моны наконец-то явившаяся на встречу Кейт, – вот че орет-то?

– Может, ее это заводит? – протянула Мона, одним глотком допивая воду и вставая.

– Ты ничтожество! Ты ничто без моего папы! А она знает о ребенке... – Договорить девушка не успела. Парень отвесил ей такую мощную оплеуху, что она отлетела, задев стул, упавший на пол, споткнулась об него и тоже упала. Парень кинулся к ней и занес ногу для удара.

– Вот сволочь! – с чувством сказала Кейт, впрочем, не двигаясь с места, чтобы как-то остановить парня или помочь девушке.

– Сама дура виновата, не фиг орать как потерпевшая, – пожала плечами Мона. Взяла подругу под руку и увлекла в сторону магазина, где ее ожидал Грегор.

Молодого человека тем временем скрутили два парня, сидевшие за соседним столиком, девушка рыдала на полу, размазывая слезы и задыхаясь от злобы, обиды и бессилия. Подруги прошли мимо нее, но Мона вдруг остановилась и сделала пару шагов назад:

– Иди умойся, тушь растеклась, – кинула она ей и через минуту уже забыла о дурехе, ведь впереди было большое приключение. И парень ее мечты.

Магазин, в котором они договорились встретиться, был большим. Помещение – забитое рядами вешалок с одеждой, среди них узкие проходы, по которым бродили несколько посетительниц, вырвавшихся на свободу в обеденный час. Так, ничего особенного, обычные неудачницы – кто ж еще может одеваться в таком месте?

– Ты посмотри, это дерьмо действительно покупают, – восхитилась Мона, доставая с вешалки платье пятидесятого размера – темно-синяя плотная ткань, по ней рассыпаны небольшие цветы желтого, голубого и розового цвета. Длина ниже колен и рукав в три четверти.

До встречи с Грегором оставалось еще пять минут.

– Если я когда-нибудь такое надену, пристрели меня, – захихикала подруга, одетая сегодня в свитер с плюшевым мишкой – опознавательный знак Москино, легинсы от Дольче и Габбаны и их же полосатые кроссовки на высокой платформе. Пшеничные волосы небрежно забраны в гульку на затылке, на голове огромные очки из новой коллекции Прада, через плечо переброшена маленькая сумочка в виде книжки – последний писк обалдевшей от вседозволенности моды.

На молодом личике читалось неприкрытое удивление. Подобное пренебрежение к качественной одежде отечественного производства, которой отдавали предпочтение тысячи женщин страны, было искренним. Кейт не снобствовала. Она действительно не представляла, что кто-то добровольно может надеть на себя вещь без модного лейбла.

Мона автоматически доставала какие-то вещи и вешала их назад, то и дело бросая настороженные взгляды на полного лысого охранника, маячащего в дверях (господи, что тут красть-то? Такое дерьмо и даром никому не нужно!), блуждала взглядом по залу и неизменно упиралась в одну из примерочных кабинок – здесь они были разными для мужчин и женщин.

Грегор сказал, что будет ждать ее в мужской. Она догадывалась, что он задумал, именно поэтому и потянула с собой Кейт. Немного нервничая и еще больше от этого заводясь, Мона шепнула подруге:

– Прикрой меня.

Кейт закатила глаза, погружаясь в изучение очередного платья и извлекая его на свет божий.

– Не, ну а это ты видела, это вообще на какие сиськи рассчитано, вырез такой? – Но поймав взгляд подруги, вздохнула и кивнула. – Иди уже, прикрой.

И тут же капризно заголосила на весь магазин:

– Девушка, у вас есть такое в размере икс-эс?

Произнесла она это таким тоном, что на нее обратила внимание не только продавщица, но и охранник с клиентками. Выглядела Кейт в этом магазине как принцесса Кейт (на которую отчаянно хотела быть похожей) в афганском поселении. Пользуясь всеобщим замешательством, Мона скользнула к мужским кабинкам, добралась до самой дальней, поскреблась, как кошка, и горячо зашептала:

– Ты где?

– Здесь! – Грегор распахнул дверцу кабинки, и Мона чуть не задохнулась – парень был абсолютно голым и всем своим видом демонстрировал, что заждался ее. Она на секунду залюбовалась кубиками на рельефном торсе – пожалуй, соревноваться с Грегором мог только Паша, но тот плотно сидел на бодибилдинге...

Додумать не успела, он втянул ее в кабинку и тут же прижал к стене, стягивая шорты, под которые она предусмотрительно не надела нижнего белья.

* * *

Анастасия любила, когда ее дни подчинялись строгому расписанию. Без него с их образом жизни никак нельзя. Ведь если пустить дела на самотек, то все рухнет.

Вначале ей было тяжело войти в такой ритм – ведь до того, как вышла замуж за Луи, она была весьма легкомысленной и ветреной особой. Звездой. Прямой театра оперы и балета. Каждое утро валялась в кровати до двенадцати, затем неспешно ехала на репетиции – и даже если опаздывала, ей никто не смел пенять. Лишь на представления надлежало являться вовремя, и это было единственное, что ей удавалось. А после были рестораны, кабаки, езда по ночному городу и тысячи глупостей, которые совершали ради нее влюбленные мужчины. Но после замужества, когда Луи увез ее во французский замок и сделал настоящей графиней, она словно в казарму попала. В прямом смысле этого слова!

Анастасия больше не могла позволить себе спать до двенадцати. В течение шести лет она родила Луи четырех детей – троих мальчиков и одну девочку – и воспитание графских наследников легло на ее хрупкие плечи. Да, разумеется, у нее была многочисленная прислуга – няни и горничные, но за конечный результат отвечала она одна.

Единственная роскошь, которую себе позволяла, это встать в шесть утра и в течение часа полежать в ванне с пеной, набираясь сил и энергии на предстоящий день. Вода всегда придавала бодрости. Но сегодня с утра она была лишена этого невинного удовольствия – в старом замке прорвало очередную трубу!

Открутив золотистый кран и с грустью констатировав, что вода из него не льется, Анастасия приняла окончательное решение – когда у детей закончится школа, она заставит мужа вместе с ними уехать на месяц, наймет рабочих и заменит все системы коммуникации! И плевать ей на старину и аутентичность. Вода в кране дороже.

Пока Анастасия давала распоряжение прислуге, чтобы вызвали аварийную бригаду, проснулся старший сын Филипп, ее радость и гордость. Он был фантастически красив – унаследовал темные блестящие кудри отца и синие глаза и легкую фигуру матери. Владел в совершенстве пятью языками, с легкостью мог цитировать Шекспира и Канта, собирался поступать на философский факультет и тратил время не в праздных развлечениях, а читая серьезные философские трактаты и посещая университет вольнослушателем. Собирался поступать в Оксфорд, и Анастасия не сомневалась – сына там примут с распростертыми объятиями.

Филипп уже был одет и готов к выходу. Как всегда строгие темные брюки и белая рубашка.

– Доброе утро, мама. – Он поцеловал женщину в щеку. – Завтрак готов?

– Да, твоя каша и тосты на столе, планируешь сегодня задержаться? – Анастасия с нескрываемой любовью смотрела на сына. Как же он быстро вырос. Венец человеческого творения.

– Возможно, заеду к бабушке, проведу. – Филипп поставил кожаный портфель возле лестницы и направился в столовую, где уже хлопотали горничные.

– Лучше бы ты девушку проведаль, – вздохнула Анастасия сыну вслед. Старую графиню де Монмулан она недолюбливала. Впрочем, чувство было взаимным, старуха всегда считала брак сына мезальянсом.

– Успеется, – крикнул матери из столовой Филипп.

Анастасия бросила быстрый взгляд на огромные напольные часы – почти семь. Пришло время будить близнецов. Конечно, можно было поручить это кому-то из прислуги, но ей нравилось самой заниматься детьми. Ведь в конце концов это ради них она бросила сцену!

Подхватив подол длинного платья (Анастасия даже дома не позволяла себе расслабиться и перейти на жуткие домашние костюмы), она легко взбежала по мраморной лестнице. Легким,

ласкающим движением касаясь медных перил, свернула в правый коридор. Комнаты Анри и Франсуа находились рядом. Но не успела Анастасия поднять руку, чтобы постучать к Анри, как дверь распахнулась и сын, одетый в спортивный костюм, показался на пороге.

– Привет, ма! – Он клюнул ее в щеку и, в один прыжок преодолев пространство до комнаты брата, стукнул в дверь.

– Погнали! – гаркнул он.

– Тише, Луизу разбудишь! – шикнула на него мать и снова невольно залюбовалась – близнецы получились ее копией. Высокие, светловолосые, синеглазые. Похожие на античного Давида.

– Да она давно не спит, – пожал плечами Анри и снова приготовился стучать в комнату брата, но дверь отворилась и Франсуа показался на пороге, одетый в шорты и футболку.

Близнецы уже много лет профессионально занимались спортом. Анри отдал предпочтение групповым видам и был капитаном юношеской футбольной команды. К нему уже серьезно присматривались охотники за головами. А Франсуа в прошлом году выиграл юношеский Уимблдон. Они походили на греческих богов – каждая мышца юного тела накачана и прорисована. В повороте головы врожденное изящество. Неудивительно, что их, столь юных, уже так любили таблоиды.

Близнецы скатились вниз по мраморной лестнице, переполошив весь дом и вызвав улыбку на губах матери – нет, однозначно, бросить сцену и родить детей было самым мудрым решением в ее жизни.

Пришла очередь Луизы. Анри говорил, что она уже встала? Дочь была совой и любила поваляться в постели подольше, как и мать. Но не сегодня.

– Мама, нужно спешить, ты уже собрала печенье? – Двенадцатилетняя Луиза была одета в джинсы и футболку. Все еще ребенок, но еще совсем чуть-чуть, и начнет округляться и отдаляться от матери.

Луиза была похожа на отца – невысокая, стремительная, энергичная, смешливая, с темными горящими глазами. Настоящая француженка. Она была бунтаркой. Цель и смысл ее выступлений периодически менялись: ей хотелось объять необъятное, сделать все и сразу.

Сейчас юная графиня была против несправедливого обращения с животными – вот уже больше года она не ела мяса, отказалась от кожаной обуви, с упреком смотрела на мать, когда та зимой надевала меха в оперу (сказать что-либо, впрочем, не позволяло воспитание). Луиза верила, что всего через пару лет она сможет изменить мир к лучшему. Такая же мечтательница, как и отец.

Анастасия рассматривала дочь – смоляные волосы забраны в хвост, черные глаза в окружении пушистых черных ресниц требовательно смотрят на мать.

– Мама, печенье? – настойчиво повторила Луиза, и Анастасия с ужасом осознала, что она напрочь забыла про печенье, которое та напекла вчера вечером и собиралась вместе с такими же равнодушными молодыми людьми продавать сегодня утром на вокзале.

Все собранные средства они намеревались отправить в приют для бездомных животных. А она, Анастасия, вызвалась им помогать. В их кругах сейчас было модно заниматься благотворительностью, а она как раз никак не могла подобрать направление по душе. Немного поразмыслив, графиня решила, что бездомные зверюшки это то, что нужно. Ну кто не любит миленьких маленьких кошечек и собачек? Только вот она совершенно забыла о том, что обещала дочери упаковать печенье в красивую коробку, чтобы придать более товарный вид.

– Я распоряжусь подать завтрак, – уведомила она дочь. Пока та будет завтракать, она успеет упаковать дурацкое печенье. Так и знала, что все пойдет не так! Стоило трубе прорваться.

– Не надо! – слишком поспешно возразила дочь и отвела глаза.

Анастасия с трудом подавила вздох – все ясно, против феодальных отношений она нынче тоже бастует. Отказывается от прислуги, все предпочитает делать сама, но умений еще не хватает. И сейчас вместо того, чтобы съесть распаренную овсянку с медом и орешками на завтрак, пойдет грызть хлеб с маслом – вершину кулинарных творений.

– Надо, – настояла мать. Вообще она старалась не вмешиваться в порывы детей, но если это грозило обернуться большим желудком, ее материнским долгом было этому помешать.

Дочь не осмелилась перечить и с грустным видом отправилась в столовую. Пока Луиза ела, графиня тихо приказала горничной красиво упаковать печенье. Сама сменила одежду – для торговли на вокзале решила одеться демократично – на последней неделе моды она купила комбинезон, облачающий тело в мягкую ткань одним движением молнии, и серебристые кроссовки. С удовольствием полюбовалась на себя в зеркале: многочисленные роды ничуть не испортили прекрасную фигуру балерины. Все те же стройные ноги, узкие бедра, сильные красивые руки словно лебяжьи крылья. Она решила оставить светлые волосы распущенными, для утра надела в уши скромные каратники, но обручальное кольцо с массивным бриллиантом снимать не стала. С ним она никогда не расставалась – подарок мужа.

* * *

Из кабинки Мона выпала пять минут спустя после самого головокружительного секса в своей жизни. Ощущения были абсолютно не похожи на все то, что она испытывала раньше, – опасность и страх быть застигнутыми в любой момент накаляли все до предела и ей даже показалось, что она слишком громко кричала. Судя по ошарашенному виду одной из продавщиц, что-то искавшей на полке рядом с примерочными кабинками, это было действительно так.

Женщина средних лет в ужасе смотрела прямо на нее, а Мона, поправляя встрепанную стрижку и окончательно стирая с лица красную помаду (Грегор упомянул вчера, что красные губы его заводят), схватила две первые попавшиеся вещи и потрясла ими перед носом обалдевшей продавщицы:

– Где тут у вас женские примерочные?

Растерявшаяся женщина махнула рукой, указывая на противоположный конец зала, и, забыв о том, что искала, развернулась и поспешила к охраннику. Мужчина, когда-то служивший в спецназе, получив травму, оказался выброшенным со службы. После долгих и мучительных поисков работы он наконец-то очутился в торговом центре. Работа не вдохновляла его, в отличие от недавно родившейся дочери. Поэтому местом он дорожил и относился к своим обязанностям с ответственностью.

– Витя, у нас там парочка сексом занималась, – с ужасом прошептала ему продавщица. Не оборачиваясь к ней, он молча кивнул. Казалось, охранник невозмутимо осматривает лежащий перед ним мраморный коридор – глаз цепляется за неоновые вывески, осточертевшие манекены, девушек, меняющих экспозицию в одной из витрин. Но впечатление было обманчивым, Витя прекрасно видел все, что происходило в магазине, и словно записывал каждое движение в блокнот в голове. Он четко, словно на докладе у командира, отрапортовал продавщице:

– Одна из девиц пошла в примерочную, прихватив с собой платья, которые ей абсолютно не подходят. Подружка после секса в кабинке отправилась к ней, парень сейчас уйдет. Думаю, что девицы смея ради попытаются что-то украсть, – подытожил увиденное.

– Зачем им это? – искренне удивилась продавщица. – У таких наверняка все есть.

– Именно, – кивнул Витя, – именно потому, что у них все есть, они и попытаются украсть эти вещи. Забавы ради. Им действительно это кажется забавным.

Мона, быстро скользнув в примерочную, не глядя в зеркало скинула серебристый бомбер и быстрым движением прямо поверх шортвов нацепила на себя одно из уродских платьев – она

злилась сама на себя, чего ради так растерялась при виде тетки? Да такая только мечтать о горячем сексе может. Пусть завидует!

Девушка закусила губу, мысленно сделав отметку, что надо тренироваться в этом деле почаще, чтобы привыкнуть и не обращать внимание на всяких неудачниц. И хотя Грегор сказал, что в следующий раз хотел бы заняться этим в лифте и они даже успели обсудить парочку подходящих офисных зданий, Мона не была уверена, что к этому готова. Надо было осмыслить то, что произошло сегодня. Хотя в глубине души она уже знала – если Грегор начнет настаивать, она не сможет сказать ему нет. Парень – романтик, не обламывать же ему крылья, в самом деле! В ее жизни не так уж много прекрасного.

Грегор решительно не похож на всех ее предыдущих унылых бойфрендов. Те частенько нанюхивались и потом вообще ничего не могли. А этот не нюхает, только иногда выступает по виски. При этой мысли Мона улыбнулась – в кабинке он полил себя алкоголем и дал ей слизать его с тела. Это было кайфово, до сих пор кружилась голова от одного воспоминания. В дверь кабинки постучали.

– Мона, это я, открой! – давясь смехом, попросила Кейт.

Девушка распахнула дверь, и подруги, уставившись друг на друга, принялись хохотать как под кайфом. На Кейт был костюм, похожий на тот, который носила директриса их британской школы, – серый, в мелкую клеточку, юбка-карандаш ниже колен и приталенный пиджак, болтавшийся на тощей Кейт как на вешалке. Под низ она натянула атласную блузку нежно-голубого цвета и так смешно завязала бант, прикрывший отсутствие груди, что немедленно стала похожа на эту тетку, как ее там, из мультика про Карлсона.

– Ты как эта... ну, помнишь, нянька, Малыша гнобила все время? – попыталась вспомнить Мона.

– Фрекен Бок! – расплылась в улыбке Кейт.

– Точно, – Мона засмеялась, придерживая серое шерстяное платье, застегивающееся впереди на крупные пуговицы. Оно уже начало сползать с плеч и грозило оставить девушку практически голой.

– Дай я тебя сфоткаю, – зашлась в истерике Кейт, – ты в натуре как уборщица.

Она достала из сумочки последнюю модель дорогого телефона и, притянув подругу к себе, включила камеру. Тут же тщательно поправила прическу и запустила пятерню в волосы Моны, приводя их в относительный порядок.

– Проститутка, – ласково пожурела она подругу и тут же, выверенным жестом, чуть прищурив глаза и выпятив губы, принялась щелкать селфи.

– Девушки, вы будете что-то покупать? – Продавщица, уже несколько минут наблюдавшая за этим фарсом, почувствовала, что ее терпению подходит конец.

Она никому никогда не завидовала, была вполне довольна своей участью и считала себя счастливым человеком – любимый муж рядом вот уже двадцать лет, единственный сын стал победителем городской олимпиады по математике и теперь сможет поступить в университет своей мечты, в прошлом году они купили новую квартиру. Работу она свою любила, ей нравилось делать людей красивыми. Родители живы и здоровы – чего еще желать? Но эти молодые девицы словно открыли ей дверь в другую вселенную. Ту, где такие, как она, даже не люди, а так, грязь под ногами. Они пришли сюда потому, что им нечего делать, и им кажется ужасно смешным то, как живут и во что одеваются миллионы людей в их стране. Это ужасно злило, а злиться она не любила. Дай бог, чтобы эти девочки никогда не оказались по ту сторону зеркала.

– Покупать будете? – повторила она вопрос, тоном намекая, что порезвились и хватит, пора прекращать балаган.

– Конечно, – Кейт кивнула с умным видом, – я ищу подарок своей дом... своей бабушке. Как думаете, ей такой костюм подойдет? – Она медленно, глядя продавщице прямо в глаза, принялась вертеться перед ней, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– А какой у вашей бабушки размер? – Продавщица и сама не понимала, зачем втянулась в этот фарс.

– Ну не знаю. – Кейт прекратила вертеться и посмотрела на потолок в поисках ответа.

– Икс-икс-эль, – помогла подруге Мона, и обе, не выдержав, начали хихикать, представляя бабушку Кейт – Елизавету Петровну – похожую на сушеную воблу и живущую в Монако, в таком размере и таком наряде.

– А российский это какой размер? – спокойно уточнила продавщица, хотя видит бог, спокойствие далось ей с трудом.

Девушки переглянулись. О том, что существуют еще и российские размеры, они явно слышали впервые.

– Не знаю, – пожала плечами Кейт, – есть же у вас таблички размеров, гляньте там или в Интернете.

– Думаю, это будет размер пятьдесят шесть, больших размеров у нас нет в наличии.

– А вы поищите, – царственно распорядилась Кейт.

– А я бы хотела это платье только своего размера и можно будет в нем уйти? – вклинилась в их диалог Мона.

Продавщица окинула девушку наметанным взглядом – похоже, та питается двумя морковками в день, кости выпирают даже из-под наряда на пять размеров больше требуемого.

– Давайте попробуем сорок второй, – неуверенно предложила она и нырнула в глубь зала. От разговора с малолетними дурочками стало душно.

– Вот это ты жирная, – снова захихикала Кейт, принимая российский сорок второй за европейский.

– Заткнись, дура, – немедленно обиделась Мона, – как ты выносить шмотье будешь? Я под этот сорок второй надену еще три шмотки, никто и не заметит! А тебе на фига пятьдесят шестой? Ты же в нем утонешь! Никакие шмотки не спасут.

– Да чисто тетку позлить, видела, как уставилась? Такое чувство, что я ей должна.

– Дура ты, ничего спереть не сможешь.

Кейт попыталась нахмурить гладкий лобик, в который уже начала колоть ботокс. Хмурился он с трудом. В конце концов признала правоту подруги:

– Ладно, зато ты умная, дай поцемаю, – она чмокнула подругу в щечку, и инцидент был исчерпан.

– Ну как он? – заговорщицки зашептала Кейт, имея в виду Грегора.

– Он крутой. – Мона мечтательно улыбнулась и даже вздрогнула, вспоминая, что происходило в кабинке пять минут назад. – Как ты думаешь, у нас с ним это серьезно? – задала она подруге волновавший ее вопрос.

– Вот, нужный размер. – Продавщица появилась совсем не вовремя. Помимо серого жуткого халата притащила и еще какое-то безразмерное уродство черного цвета.

– Я это не просила, – капризно заявила Мона.

– А это не вам, а вашей подруге, точнее, ее бабушке, – ядовито заявила продавщица, – вот, брючный костюм, пятьдесят восьмой размер, больше у нас нет. А нужная вам модель только в одном размере, он бабушке будет маловат.

– Какая красота, – настолько фальшиво восхитилась Кейт, что Моне пришлось уткнуться в телефон, чтобы не фыркнуть ей прямо в лицо. Туда как раз пришло сообщение от Грегора, она открыла и увидела, что парень отправил ей видеофайл.

– Ой, мне так нравится, себе бы взяла, – принялась нахваливать костюм Кейт, – принесите мне такой же, только сорок второй или сороковой, – не удержалась она в последний момент от тонкой шпильки в адрес лучшей подруги, с которой они всегда негласно соперничали в плане красоты.

– Совсем дура? – покрутила у виска пальцем Мона, как только продавщица снова покорно удалилась. – Что ты под брюки надеть сможешь?

Кейт закусила губу – снова Мона ее обставила! Хотя в школе училась хуже ее, слишком была увлечена британскими мальчиками.

– Смотри, что прислал, на фига он это снял? – обеспокоилась Мона, суя подруге под нос мобильный телефон и включая видео. Магазин тут же заполнили звуки страстного совокупления. Благодаря отличной акустике они разнеслись по всему помещению.

– Выключи звук, дура! – быстро зашептала Кейт, снова с радостью беря реванш. Умная-умная, а кто такое вообще на людях со звуком смотрит?

Мона одним движением погасила телефон и постучала золотисто-розовым корпусом по носу:

– Слу, а он не сольет в инет это все, ну, помнишь, как у Пэрис Хилтон было? Когда ее бойфренд тупо слил.

– Вот, пожалуйста! – Опять эта надоедливая продавщица, нежно улыбаясь, протягивала Кейт затребованный ею брючный костюм сорокового размера.

Вся затея показалась вдруг Моне не такой уж и веселой, на фига вообще Грегор это снял и ее не предупредил? И где он телефон держал, он же голый был? Слишком много вопросов, девушка почувствовала, как разгорается головная боль.

– Валим отсюда, – предложила она подруге.

– Ну сейчас, надо же переодеться, – Кейт непонимающе смотрела на Мону, та почему-то выглядела расстроенной.

– В другой раз, – она схватила подругу за руку и дернула в направлении выхода, но Кейт уперлась.

– Да не, наши не поймут, я селфи запилила, смотри, че пишут.

Мона открыла Инстаграм и уставилась на комментарии к фотке подружки – та набрала уже больше трех тысяч лайков! Мысли о Грегоре и дурацком видео сразу же вылетели из головы. Ей надо набрать больше лайков, чем Кейт. Она более популярный блогер! И посты у нее интереснее! Она подняла телефон и щелкнула себя в уродском платье:

– «Такую красоту не продают» – напечатала она и обратилась к подруге. – Как пишется «придется»? С мягким знаком или без?

– А я знаю? Включи Т9, – отмахнулась Кейт, ныряя в примерочную кабинку с костюмами.

«Придется побыть шоп-лифтером», – применила Мона новое слово, которое недавно подслушала в разговоре. Оно ей нравилось больше, чем «воровка».

– Надо было попросить, чтобы трусы мне принесла, – зашептала Кейт из соседней кабинки. – Прикинь, какие здесь трусы! – снова захихикала она.

Мона вернулась в кабинку, оторвала от серого платья этикетку, быстро сняла его. Затем прямо поверх шортков надела тонкий сарафан, который попался ей под руку сразу по окончании утех с Грегором. Сверху снова натянула серое платье, посмотрела в зеркало – ужас какая толстая, если бы была реально такая, уже бы повесилась.

– Я все, – прошептала она подруге.

– Ща, пять сек, – пропыхтела та. – Все, пойдем?

Одновременно девушки вышли из кабинок и буквально налетели на продавщицу и лысого толстячка.

– Я в этом пойду, – надменно заявила Мона и протянула продавщице этикетку, – пробейте, я заплачу.

– Да-да, я тоже, так ваш костюм понравился, ваще снять не могу, – снова жутко сфальшивила Кейт. Хоть бы курсы актерского мастерства взяла какие-то, все равно ж в Англии оши-валась. Мона вот брала и поэтому врала намного лучше, как она считала.

– Девушки, пройдемте со мной, пожалуйста, – неожиданно мягким и глубоким голосом предложил лысый толстячок. У Моны екнуло сердце – что за фигня? Они тысячу раз проделывали такие трюки с нижним бельем, даже набор от Ла Перла когда-то свистнули. Не может же в этой конюшне служба безопасность быть круче лаперловской?

– Че это? – возмутилась Кейт. – Нам некогда, платим за шмотье и уходим.

– Девушки, вам все-таки придется пройти со мной, – снова настойчиво предложил лысый.

– Ты, извращенец, че тебе надо? – вдруг распахнулась Мона, после дурацкого видео она не могла мыслить ясно.

– Я сейчас вызову полицию, и они проведут досмотр. У меня есть основание полагать, что вы пытаетесь украсть вещи, – кратко объяснил ситуацию охранник.

– Ты че, чувак, вообще с дуба рухнул? – Кейт запустила руку в волосы и сорвала резинку – она всегда так делала, когда нервничала. Волосы рассыпались по плечам. – Ты знаешь, кто мой папа?

– И мой? – тут же добавила Мона.

Их отцы работали вместе – одному принадлежало несколько фармацевтических заводов, где производили почти восемьдесят процентов всех лекарственных препаратов страны, а другому – сеть аптек, где эти лекарства продавали людям. Тем, которые одевались в таких магазинах.

– На фига нам ваши шмотки, мы бабушке пришли купить подарок, – горячилась Кейт, – вы вообще знаете, сколько моя сумка стоит? – Она ткнула сумкой-книжкой в сторону продавщицы, обрушив на нее весь праведный гнев. Наверняка эта стерва виновата, слишком услужливая, ненавидит таких. Вроде ее последней горничной, Варьки. Вначале в подружки набивалась, а потом слила ее отцу, что она дома не ночует.

– Ну что же, я рада, что девушке, которая может купить себе такую сумку, понравился наш ассортимент. Вы ведь наверняка ее сами себе купили? – не удержалась продавщица.

– Че? – Мона сделала шаг по направлению к ней. В отличие от туго соображающей Кейт она сразу поняла, что продавщица хамит.

– Ты вообще на что намекаешь? Ты тут стоишь, чтобы нас обслуживать, а не хамить, поняла?

– Не тыкайте мне, пожалуйста, – сдержанно попросила продавщица.

– Девушки, будьте добры. – Лысый сделал шаг по направлению к ним и выставил вперед руку, словно сооружая загон, в который через несколько минут попадут эти трепетные лани.

Кейт вдруг бросилась на него, изо всех сил толкнула и попыталась бежать. Но лысый проявил неожиданную сноровку, в один момент перехватил тоненькую и легкую девушку и закрутил ей руку за спину. Та заорала от боли:

– Пусти, урод! Ты не жилец!

– Пусти ее, – завопила Мона и бросилась на охранника с кулаками, пытаясь отбить подругу. Охранник не стал церемониться. После того, что ему пришлось пройти на службе, две истеричные девицы были для него не более чем досадным недоразумением.

Пять минут спустя все четверо сидели в подсобке у охранника и ждали приезда полиции.

– Я папе хочу позвонить, – прошипела Мона.

– Ты отсюда вылетишь завтра же, – кипятилась Кейт, потирая ушиб, – ты мне руку сломал, тебя вообще посадят, урод!

– Не сломал, – пожал плечами охранник, – звоните кому хотите, – миролюбиво предложил он.

На самом деле ему вовсе не хотелось отправлять двух зарвавшихся девиц в участок. Девчонки, что с них возьмешь, без присмотра и родительского внимания, судя по всему. Да и работу ему терять сейчас никак было нельзя – маленькая болела уже, четвертый раз за месяц,

и жена стала волноваться, как бы такой слабый иммунитет не был признаком чего-то другого. Урока девицам хватит, припугнет полицией и отпустит. В таком возрасте этого должно быть достаточно.

Кейт и Мона переглянулись.

– Звони своему, – предложила Кейт, – мой меня точно убьет.

Мона вздохнула и достала телефон. Нажала номер «1» быстрого набора и спустя два гудка услышала папин голос.

– Папочка, – заканючила она, как в детстве, – папочка, спаси меня!

* * *

К его огромному удивлению, проводить его в столицу пришли не только Алиса и родители, но и множество учеников. Они все желали ему удачи, кто-то даже пригласил домашнюю выпечку и одинокий гладиолус (где только выкопал среди зимы). Яна это так растрогало, что он быстрее, чем планировал, запрыгнул на ступеньку поезда и помахал толпе рукой, чтобы скрыть слезы, и с ужасом понимая, что назад дороги нет. Он не может вернуться неудачником. О том, что будет, если текст никого не заинтересует, и думать не хотел – мысли материальны.

Всю ночь прокурил в продрогшем резиновом тамбуре, а утром, одуревший от дыма и бессонницы, упал в жаркие гомонящие объятия столичного вокзала. Немедленно почувствовал всю провинциальность, нелепость и претенциозность своего наряда – зачем послушался Алису и вырядился этаким франтом? Да его просто за сумасшедшего примут! Нормальные люди разве разгуливают в таком виде по городу? Ха! Да на месте охранника он бы сам решил, что перед ним настоящий городской сумасшедший.

Он умудрился заблудиться в метро, три раза садился не на ту ветку, и в конце концов, попав на нужную, просто-напросто проехал нужную станцию (зашел в середину вагона и не решился распахивать людей, пробираясь к выходу, услышав объявление). Желание все бросить и вернуться домой становилось все острее. В маленькую раковину сонного городка, в теплое липкое обожание учеников и их родителей, в уют крошечного лампового мирка. Но нельзя было сдаваться просто так.

Издательство тоже нашлось не сразу. Ян поплутал по гомонящему проспекту, попытался спросить у прохожих, где находится нужное ему здание. Несколько человек вовсе не ответили, остальные признались, что понятия не имеют – город был полон таких же приезжих, как и он сам. Судя по их внешнему виду, успеха они так и не дождались. Ну что же, а вдруг он станет одним из миллиона и пару лет спустя будет с легкой усмешкой рассказывать высокому импозантному телеведущему забавную историю, как он заблудился, приехав в столицу в первый раз. Или нет, нельзя это говорить с усмешкой, он должен быть серьезен. Возможно, ироничен? Если не растеряется, конечно же... Ведь он не такой, как Роман. Брат уже давал интервью популярному ведущему и разговаривал с ним надменно и снисходительно, словно это нужно было ведущему, а не писателю. У него и так все в порядке. Излишняя слава только утомляет.

Полностью погрузившись в воспоминания о брате, Ян чуть было не прошел мимо издательства. Немедленно расстроился и даже рассердился на самого себя. Не заметить огромную серую махину, возвышавшуюся над остальными зданиями небольшого индустриального пятачка!

Внезапно Яну стало страшно, сердце ухнуло куда-то вниз, как будто зажило собственной жизнью и решило прокатиться на американских горках. А затем пошла банальщина – ладони вспотели, пот на лбу, легкая дрожь в ногах – фу! Всегда считал такие описания признаком примитивной фантазии писателя, а гляди ты – все эти люди писали правду.

Немного потоптавшись перед входом в то, что представлялось ему пещерой Али-Бабы, Ян потянул на себя тяжелую металлическую дверь и вошел в прохладный вестибюль. Или ему показалось, что там прохладно? Самого-то его бросило в жар.

Он покрутил головой, немедленно отмечая огромные фотографии звездных авторов. С одной из них на него смотрел Роман с этой своей улыбкой, прямо говорящей человеку, что тот ничтожество.

Ян подошел к охраннику, сидящему за стойкой рецепции рядом с миловидной девушкой в деловом костюме, и даже рта не успел открыть, как парень спросил его с легкой ленцой в голосе:

– Какой отдел?

– Я... – замешкался Ян, как-то не так он себе это представлял, – понимаете, мне надо поговорить с редактором, я принес рукопись.

Девушка с сочувствием посмотрела на молодого человека. Он походил на солдата Первой мировой, о котором она прочитала вчера вечером в новом романе. Герой прошел сквозь время и влюбился в современную девушку. Одет парень был так же – шинель и тяжелые ботинки. Бледное выразительное лицо, побелевшее от волнения еще больше. Она решила вмешаться:

– Да-да, конечно, редактор сейчас выйдет, чтобы забрать вашу рукопись, просто скажите, в каком жанре вы работаете? – любезно поинтересовалась девушка.

– Забрать? – Ян окончательно был сбит с толку. – Но я бы хотел обсудить...

– Парень, здесь никто ничего не обсуждает, – перебил охранник, ему не понравилось слишком живое внимание сотрудницы к этому чучелу в сером пальто. Как будто из музея выпал на улицы города. Ископаемое.

Девушка бросила на него сердитый взгляд и снова перехватила инициативу:

– Понимаете, вам надо будет отдать рукопись редактору, он постарается с ней ознакомиться в течение нескольких месяцев, а если роман его заинтересует, то с вами обязательно свяжутся.

Яну стало жарко, он снова разозлился на дурацкую шинель, ну зачем ее напялил? Кому тут вообще какое дело до его внешнего вида?

– У меня исторический роман, – немного сгорбившись и пытаясь стать незаметным, сообщил он.

Та кивнула и, взяв трубку, набрала знакомый номер:

– Константин Сергеевич, к вам посетитель, принес рукопись, – выслушав ответ, она положила трубку.

– Редактор сейчас подойдет, – сообщила она, – присядьте, подождите.

– Спасибо, я постою, – отказался Ян.

Ему казалось, что все происходит в каком-то бреду. Сейчас выйдет человек, которому он должен будет отдать свое детище. Мысли о том, что кто-то его украдет, ему даже в голову не приходили. Волновало другое – как он сможет прожить бесконечно долгие несколько месяцев, ожидая вердикта. Писать новый текст? И речи быть не может. Перечитывать этот, мучительно обдумывая, в каком месте можно было вернуть более удачный поворот или, может быть, вообще переделать весь сюжет. Ян окончательно ушел в себя, не замечая происходящего вокруг.

– Молодой человек. – Невысокий полный мужчина в клетчатых штанах и рубашке, немного расходящейся на животе, стоял возле рецепции и осматривал Яна с видом опытного этимолога, пытающегося понять, что за образец перед ним.

Несмотря на прохладу в вестибюле, мужчина потел – два неровных полукруга расплылись под мышками, в руках он держал старомодный клетчатый платок, которым вытирал вспотевший лоб. Он окинул посетителя взглядом, полным подозрения и усталости, – еще один сумасшедший! Надо же было обрядиться в шинель для похода в издательство.

– Что у вас? – немного нервно и визгливо спросил он.

– Рукопись, роман, исторический... – забубнил Ян, не зная, куда себя деть от смущения – было очевидно, что пришел он не вовремя.

– Давайте, – редактор протянул руку и, не выходя за железный автомат, перекрывающий вход в литературную святую, начал нервно ею трясти, – ну давайте же, молодой человек.

Ян в два шага преодолел разделяющее их пространство, достал из портфеля распечатанную рукопись, уложенную в бумажную папку на завязках, и протянул редактору.

– Вот, пожалуйста.

– Листы хотя бы пронумерованы? – скептически скривился редактор.

– Да-да, – поспешно кивнул Ян и несмело поинтересовался: – Когда можно будет ждать ответа?

– Мы свяжемся, только если рукопись будет интересна, всего доброго. – Редактор снова утер пот со лба и, развернувшись, отправился в нутро литературного монстра.

Сбитый с толку Ян так и остался стоять на месте, растерянно глядя ему вслед. Девушке на рецепции стало жаль смутившегося молодого человека.

– Он со всеми такой, – после небольшой паузы сообщила она, – но если ему ваша рукопись понравится, то считайте, вы сорвали джекпот, сделает все, чтобы ее напечатали, а вы написали новую.

Ян слабо улыбнулся милой девушке:

– Спасибо вам, до свидания. – Он развернулся и направился к выходу из издательства, на ходу доставая из кармана мобильный телефон и набирая номер Алисы.

Охранник задумчиво смотрел ему вслед. Он служил в издательстве уже несколько лет и считал себя большим экспертом в области литературы.

– Фигню небось написал, – кратко резюмировал он.

– Ну чего ты так? А вдруг что-то и вправду хорошее? – вступилась девушка за незнакомца.

– А ты чего его защищаешь? – насупился охранник.

– А ничего, – отмахнулась она от него и широко улыбнулась высокой полной женщине в верблюьем пальто, зашедшей в издательство – автор бестселлеров, уже десятый год на первых строчках. – Здравствуйте, Елена Валерьяновна, вот, пожалуйста, мы вам уже и пропуск приготовили.

* * *

Михаил Борисович успел раньше полиции. Иногда Моне казалось, что ее отец настоящий волшебник – что бы с ней ни приключалось, где бы она ни была, она всегда набирала его номер и папа успевал вовремя, спасал ее, вытаскивал из различных передряг, о которых сейчас и вспоминать было стыдно.

Он не стал хамить, угрожать и играть мускулами. Вежливо извинился, заплатил за все наряды, которые девушки напялили на себя и намеревались вынести из магазина, и еще оставил щедрые чаевые – продавщице и охраннику за причиненные неудобства. Те поначалу отнекивались, но очень быстро сдались. Потому что не было в этом мире человека, способного противостоять чарам Михаила Борисовича и сказать ему «нет». Люди всегда делали то, что ему было нужно. Все. Кроме Моны.

Единственную дочь подарила ему на пятидесятилетний юбилей его третья жена Ляйсан. На тридцать два года моложе, любовь всей его жизни. Он готов был баловать Ляйсанку нещадно, а после рождения дочери и вовсе носил на руках, выполняя малейший каприз. Справедливости ради, капризной Ляйсан, воспитанная в восточных традициях покорности мужчине, не была. Михаилу даже иногда хотелось, чтобы жена что-нибудь попросила, но она лишь качала головой

и заверяла, что у нее есть все, что нужно для счастья. Очевидно, счастья было так много и грело оно так ярко, что сожгло ее через два года после рождения дочери.

Михаил горевал несколько лет, даже переехал в другой дом – в старом все напоминала о жене и счастливых годах, проведенных вместе. Со дня похорон матери маленькая Машенька (тогда она была все еще Машенькой в честь матери Михаила) не слышала слова «нет». Отец и сам понимал, что это неправильно, что отсутствие правил и границ лишь вредит ребенку, но ничего не мог с собой поделать. Едва глаза Машеньки, чертовские похожие на глаза Ляйсан, наполнялись слезами, как сердце Михаила Борисовича таяло и он разрешал дочери все, о чем та просила.

Результат оказался плачевным. В четырнадцать лет ее пришлось отправить в Англию, в закрытый пансион для трудных подростков, потому что сам Михаил Борисович и специально приставленные к Маше люди уже не справлялись.

Алкоголь и сигареты она начала употреблять с двенадцати лет, но отец все надеялся, что она перебесится и ей это станет неинтересно. В тринадцать в ход пошла трава, а в четырнадцать она забеременела. Это стало последней каплей. Лучший специалист города избавил семью от «проблемы», после чего Машу посадили на самолет и отправили в Англию, где она провела три года вместе с лучшей подругой Катей, таким же подарком для родителей. Девушки покидали высокие надежные стены пансиона лишь на Рождество.

Английским воспитателям удалось если не исправить, то хотя бы прекратить их скольжение по наклонной плоскости. Отцы, приехавшие проведать девочек на первое же Рождество, их не узнали – девицы перестали хамить, организмы полностью очистились от токсинов, щеки стали розовыми, а волосы приобрели натуральный цвет. Только Маша стала требовать, чтобы ее называли Моной.

Иногда Михаил Борисович задавал себе вопрос: чего же не хватило дочери, чтобы стать нормальным человеком? Да, он был не из тех, кто требует огромных свершений (в глубине души он всегда жалел, что у него нет сына, но после Ляйсан больше не стал создавать семью, а ни одна из его любовниц так и не смогла забеременеть), но ведь могла бы она расти тихой, скромной, покорной, как мать? В глубине души Михаил Борисович мечтал выдать Мону-Машу замуж как можно скорее и передать проблемы по управлению девицей ее мужу, но та не давала ни малейшего шанса.

Сама таскалась с какими-то уродами (к счастью, больше беременности не повторялись, тот случай хотя бы научил ее предохраняться), а с нормальными сыновьями его друзей и знакомых она вела себя настолько паскудно, что те исчезали в неизвестном направлении, не прельстившись ни красотой Маши, ни миллионами ее папы.

На этот вечер он возлагал последнюю надежду. Если не Кирилл, то никто. И надо же, чтобы дочка именно сегодня умудрилась влипнуть в дурацкую историю с кражей в магазине. Михаил Борисович был настолько зол, что первой мыслью было оставить ее один на один с проблемами и дать возможность провести несколько часов в КПЗ. Может быть, это хотя бы немного ее отрезвит?

Но он уже договорился об ужине с Кириллом, о котором не стал предупреждать дочь заранее, боясь, что она сбежит из дома или что-нибудь снова учудит. С ней надо было действовать быстро и без подготовки. Маша никогда не отличалась острым умом и сообразительностью (что возьмешь с девочки), но вот так с кондачка она не сможет испортить ужин.

Уладив все вопросы и расставшись почти друзьями с охранником и продавщицей, Мона и Михаил Борисович вышли из торгового центра в сентябрьский дождь. Девушка хотела скрипеть и высказать отцу, что тот не распорядился поставить машину в подземный паркинг, но, бросив взгляд на его мрачное лицо, решила промолчать.

Машина стояла прямо возле входа. Футуристический болид, оправдывающий свой цвет «мокрый асфальт». Водитель ждал девушку возле пассажирского сиденья, держа в руках раскрытый зонт.

Мона плюхнулась в салон и инстинктивно отодвинулась подальше от отца, тоже решившего проехаться на пассажирском сиденье. Кейт уехала на такси, чтобы избежать общения с мрачным Михаилом Борисовичем. Конечно, он был лучше ее истеричного папаши, плотно подсевшего на кокс и способного зарядить даже единственной дочери на глазах у obsługi, но все равно жить в одном доме с таким мрачиловом она бы не хотела. Кейт толком и объяснить не могла, что не так с отцом Моны. Но если бы кто-то попросил ее описать Михаила Борисовича, она сравнила бы его с катком для укладки асфальта. Как он там называется. Понятно, почему Машкина мамаша так быстро откинулась. В его присутствии даже мухи дохнут.

– Спасибо, папа, – наконец-то решилась нарушить тишину Мона.

– Ты моя должница, – подумав, ответил Михаил Борисович, привыкший из любой дерьмовой ситуации вытаскивать пусть небольшую, но конфету. Сейчас дочка у него на крючке. И хотя она завтра же забудет, как облажалась, у него есть в запасе несколько часов, чтобы ею поманипулировать.

– Все, что скажешь, папуля, – горячо схватила протянутую руку примирения Мона и подвинулась на широком сиденье ближе к нему.

– Мы сейчас едем в ресторан, – объявил Михаил Борисович, скептическим взглядом окидывая наряд дочери – дурацкая короткая курточка и шортики, больше смахивающие на пояс. Немного подумал над тем, пустят ли в таком виде, но затем решил положиться на свою репутацию – в этом месте его хорошо знают и не осмелятся возмущаться. Он посмотрел на золотистый «Ролекс» – половина седьмого, ужин в семь, переодеться не успеет. Поедет, как есть. Пока еще полна раскаяния.

– Поужинать? – вяло поинтересовалась Мона. К еде она была равнодушна, и в последнее время Михаил Борисович начал волноваться: уж не подседа ли она опять на кокаин, чтобы похудеть. Дурацкое желание быть похожей на скелет.

– Можно и так сказать, – кивнул отец и немного поиграл с мыслью, сказать ли дочери о Кирилле. С одной стороны, это даст ей время обдумать очередную пакость, а с другой, если он промолчит, она может взорваться прямо в зале ресторана и закатить скандал несмотря ни на что.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – все же сообщил он.

– Папа! – задохнулась от возмущения Мона и снова шарахнулась в дальний угол. Отец нажал на кнопку и поднял стекло, отделяющее их от водителя. Выяснение отношений было неминуемо.

– Ты опять хочешь выдать меня замуж? – начала закипать девушка, и Михаил Борисович подавил тяжелый вздох.

– Хочу, – честно ответил он, – пусть твой муж вытаскивает тебя из дерьма, когда тебе в очередной раз станет скучно.

– Тебе лишь бы избавиться от меня! – Девушка поспешила воспользоваться испытанным средством, и ее глаза наполнились слезами. Михаил снова увидел Лясечку. Трепетную, как олененок. Он никогда не мог толком сказать, действительно ли Мона считает, что он хочет от нее избавиться, или же она просто ловко им манипулирует, чтобы не связывать судьбу с одним из тех, кого он считает достойным своих миллионов – ведь именно ее мужу он собирался передать свою империю. Кому же еще?

– Это неправда, Маша, и я не хочу в очередной раз это обсуждать, – отрезал и потянулся в карман пиджака за новомодным приборчиком, в который вставлял сигареты. Производители обещали, что так он употребляет только никотин, а все остальное, именно то, что убивает лошадь, остается за бортом. Врали наверняка, но ему было плевать. Он умрет, когда

сам захочет. Но вначале пристроит дочь. Поэтому надо побережться и не испытывать судьбу двумя привычными пачками в день.

– Я надеюсь на твое благоразумие, Мария. Всего один ужин, – подвел он черту и затянулся.

Мона уставилась в окно. Хотелось плакать. Почему так всегда? Она просыпается в хорошем настроении, жизнь вроде бы налаживается – новый бойфренд, шалости, клубы, болтовня с Кейт, но потом вмешивается папа и возвращает ее к суровой реальности – вот это вот все: замуж, дети, бизнес кому оставить. Она ненавидела это до глубины души. Она хотела танцевать, рисовать, петь.

Ведь даже в детстве ей этого не позволяли! Папа заставлял ее учить математику и английский. Он лишил ее друзей и первой любви – гения холста и кисти, которому она позировала обнаженной. Может, ей надо было тогда сбежать, родить этого ребенка. Они бы странствовали с любимым, стали бы уличными художниками. Их ребенок, несомненно, был бы талантлив и гений бы ее любил, непременно любил. А папа ее не любит. Она лишь инструмент, способ, возможность пристроить его драгоценный бизнес. Собирается продать ее как собачку с отличной родословной. Мона почувствовала злость.

– Мы приехали. – Отец взял ее за руку, и она вздрогнула.

– Я надеюсь на твой здравый смысл, – многозначительно сказал Михаил Борисович, пытаясь поймать взгляд дочери.

Мона ничего не ответила. Открыла дверь и вышла на улицу. Сентябрь выдался прохладным – за то время, что они проторчали в магазине, улицы накрыла вечерняя влажность. Она сразу же почувствовала, как липкая холодная сырость забирается под бомбер и голые ноги покрываются гусиной кожей. Обхватила себя руками, в тщетной попытке согреться, но дрожь лишь усилилась.

На плечи лег пиджак, и ей моментально стало тепло словно под пуховым одеялом.

– Пойдем. – Отец мягко взял ее под руку и повел к мраморным ступеням, ведущим в ресторан. В такие моменты она любила его особенно остро, до боли в сердце. Она бы все на свете отдала, только бы вся эта любовь и забота были действительно настоящими, а не способом поиграть на публику.

Кирилл был уже на месте, потягивал рубиновое вино. Окинул девушку оценивающим взглядом – лучше чем на фото. Похожа на французскую актрису – короткие черные вьющиеся волосы, большие выразительные глаза и губы, на которых еще виднелись остатки красной помады. Такую бы да встряхнуть из дурацких шмоток и переодеть в красивое платье в пол – заиграла бы новыми красками. Фигурка ладная, правда, красивым глазам не хватает интеллекта – но это только к лучшему. Будет проще. Ум только все усложняет.

Под взглядом холеного мужчины лет тридцати пяти Мона моментально почувствовала себя обнаженной. Тот вальяжно сидел посреди зала и смотрел на нее как арабский шейх на породистого скакуна (она никогда не видела арабских шейхов и вряд ли бы отличила настоящего скакуна от тульского тяжеловоза, но однажды слышала, как одна из теток в офисе отца использовала это выражение, и, как ей показалось, поняла его).

Она вздернула голову и попыталась выглядеть гордо и независимо, но ей это не удалось. В бомбере и шортах она и правда смотрелась дурой в дорогом помпезном ресторане. Женщины, сидевшие здесь, были одеты в длинные платья и переливались натуральными камнями. Внезапно Мона почувствовала себя маленькой беззащитной девочкой и схватила отца за руку.

– Это он? – шепнула она, Михаил Борисович молча кивнул и подвел дочь к столу. Тонем старосветского помещика, который привел на бал дебютанток единственную дочь и теперь презентует ее молодому графу, он представил Мону:

– Моя дочь, Мария.

– Мона, – автоматически поправила та.

- Мария, – твердо повторил отец и отодвинул стул, давая Моне возможность присесть.
- Очень приятно, – кивнул мужчина, – Кирилл. Мона, что вы будете пить?

Моне понравилось, что он выбрал ее вариант обращения, и она посмотрела на мужчину с интересом. Небольшая аккуратная бородка, умные глаза за тонкими стеклами очков. Все портила только улыбка, растянувшая чувственные губы. Слишком ироничная.

- Виски, – ляпнула она и тут же получила пинок по ноге от успешного сесты за стол отца.
- Мария будет шампанское. – Он поднял руку, привлекая внимание официанта.

Мона, вздохнув, принялась вертеть головой по сторонам – скучное место, ненавидела такие! Все чопорные, как на приеме у королевы (она недавно посмотрела сериал про молодую королеву и поняла, что загнулась бы от тоски при такой житухе). Заметила маслянистый взгляд пожилого мужчины, сидевшего за столиком в углу в обществе куклы на высоченных каблучках. Мона не могла рассмотреть ее лица, только белые волосы, закрывающие почти всю спину. Она демонстративно отвернулась и, закатив глаза к потолку, снова принялась думать о Грегоре. Нет, ну на фига он записал это видео?

– Мона, вам не холодно? – насмешливо, как ей показалось, поинтересовался Кирилл. Его она проигнорировала и ничего не ответила.

Подошла официантка, чтобы принять заказ. Мона так и не открыла свое меню. Погруженная в собственные мысли, даже не заметила, что оно лежало прямо перед ней.

– Мне, пожалуйста, стейк с кровью, в качестве гарнира рис и овощи на пару. Повторите бутылку красного, которую заказал молодой человек, – уверенно распорядился Михаил Борисович. Казалось, он знал меню ресторана наизусть. Часто здесь бывает? Мона понятия не имела, она не сильно интересовалась тем, где тусует ее отец.

– Девушке радужную форель с овощами на гриле, – продолжил Михаил Борисович, делая заказ за нее, – в качестве закуски на двоих пармскую ветчину с дыней, коктейль из креветок и зеленый салат.

– Я хочу картошку фри, – подала голос Мона, игнорируя насмешливый взгляд Кирилла.

– Здесь не подают картошку фри, Мария, – спокойно ответил отец, кивая официантке и давая понять, что заказ окончен.

Мона почувствовала, как внутри нарастает раздражение. Да, она пообещала отцу вести себя прилично, но ведь маленькие шалости ей позволены?

Отец и Кирилл погрузились в светскую беседу, а она, стараясь не привлекать внимания, поставила телефон за бокалом так, чтобы камера была направлена на Кирилла. Быстро щелкнула по экрану, делая фото очередного кандидата в мужья. Он был одет в белую рубашку и почти слился по цвету с интерьером. Мона хихикнула, моментально забывая все события сегодняшнего дня – на смазанном фото казалось, что голова Кирилла парит над стулом.

«Зацени женишок», – подписала она фото и отправила Кейт.

Ответ пришел через секунду: «Мона, тебе капец, твой диджей ваше видео в инет слил».

Мона перечитала сообщение еще раз и еще раз, не веря своим глазам. Внутри в один момент все похолодело и покрылось коркой льда. Нет, нет, нет, только не это! Этого отец ей точно не простит, завезет в лес и закопает. Честь семьи для него превыше всего. Да и замуж он ее после такого позора не сможет выдать. Бежать, срочно надо бежать!

Мона сделала инстинктивное движение, порываясь встать, и не заметила подошедшую с заказом официантку. Она толкнула девушку под локоть, и несколько капель розового соуса креветочного коктейля упали на ее серебристый бомбер.

– Идиотка, – заорала Мона на весь ресторан, привлекая внимание присутствующих.

– Заткнись, – прошипел отец, но дочь уже вскочила, ее тяжелый стул издал противный скребущий звук, скользя по наборному паркету.

– Я не заткнусь! Она мне вещь испортила, где тут у вас книга предложений? – продолжила верещать девушка.

– Жалоб и предложений, – с насмешкой поправил ее Кирилл. Мона повернула к нему горящее от гнева лицо. Отчаянно хотелось попросить и его заткнуться, а еще лучше зарядить в насмехающуюся физиономию креветочным коктейлем, но она сдержалась.

– Жалоб и предложений, – автоматически повторила она и вперила в официантку взгляд.

– Простите, бога ради, – залепетала та, – я не ожидала, я оплачу химчистку, давайте я принесу десерт за счет заведения.

Последняя фраза прорезалась сквозь хаос мыслей, и Мона вцепилась в нее, как английский бульдог в несчастную жертву.

– Я пойду с тобой на кухню, – произнесла она и выразительно посмотрела на официантку, предлагая той поторопиться.

– Думаю, что девушка сама справится, а я с удовольствием куплю вам новую куртку, если позволите, – вкрадчиво предложил Кирилл, но Мона отмахнулась от него как от назойливой мухи:

– Еще чего, знаю я эти десерты от заведения, сейчас плюнет в него и принесет.

– Что вы... – слабо запротестовала официантка, но Мона тут же прервала ее:

– Я иду с тобой.

Бежать, немедленно бежать. Пройдет максимум десять минут, как папина служба безопасности доложит ему о ролике, и тогда он меня убьет своими руками. А если вдруг пропасть самой, то он поймет, как она ему дорога, и потом не станет убивать от радости, что я оказалась жива и здорова. Пересижусь у кого-нибудь из друзей. Да даже у этого идиота Грегора – ну вот на фига он это сделал?

Путаясь в собственных мыслях, Мона поспешила вслед за официанткой. Кирилл и Михаил Борисович проводили ее задумчивым взглядом.

– Похоже, она сейчас сбежит, – улыбнулся Кирилл.

– А вам приходилось с таким сталкиваться? – поинтересовался Михаил Борисович, делая глоток вина чуть более длинный, чем позволял этикет. Девчонка получила от кого-то сообщение и как с цепи сорвалась. Он надеялся, что это ссора с нынешним дружкой, как его там, Гришей, что ли, а не очередная глупость, которую ему придется расхлебывать.

Мона тем временем уже избавилась от официантки и бежала по служебному коридору, набирая на ходу номер Кейт:

– Это я, слушай, сними мне бабла с карточки, нет, я сама не могу, потом расскажу. Ну блин, как заблокировал? Возьми в сейфе, ты что, не знаешь, где взять? Да отвали от меня со своим видео, – заорала она на реплику подруги, что на ютубе уже больше тысячи просмотров. Та еще и комментарии собиралась ей зачитать. Дура!

Мона толкнула дверь черного хода и очутилась в небольшом дворике, где персонал курил в редкие минуты отдыха и где складировали мусор. Она заметалась по узкому пространству, как рыба, угодившая в ловко расставленные сети. Вначале ей даже показалось, что из дворика выхода нет.

Нажала отбой, остановилась, попыталась отдышаться и сообразить – раз тут хранят мусор, значит, как-то его отсюда вывозят. Внимательно осмотревшись, она все-таки увидела ворота, на которые уже легли вечерние тени. Заторопилась к ним и, толкнув поржавевшую дверь, очутилась на улице.

У нее в кошельке было немного наличности. Хватит, чтобы доехать до Кейт. Деньги с карточки она снимать не будет – из детективных сериалов, которые она обожала, Мона знала, что именно по этим снятиям и отслеживают передвижения людей. Папуля сразу поймет, что она сбежала, что ничего с ней не случилось. И достанет из-под земли. Значит, так, сейчас едет к Кейт, возьмет деньги, потом поедет к этому козлу Грегору и плюнет ему в морду, а потом останется у него... Там-то ее точно никто искать не будет. Логично же? Или нет...

Додумать Мона не успела. Из взявшегося буквально из ниоткуда темного автомобиля выскользнул высокий мускулистый парень. Бесшумно, словно огромный черный кот, дождавшийся, пока хозяева уйдут из кухни и погасят свет, он приблизился к Моне, поднял руку и одним рывком схватил девушку за шею. В другой он держал заранее приготовленную салфетку с хлороформом. Девушка потеряла сознание за пять секунд, еще три понадобилось, чтобы загрузить ее на заднее сиденье машины, и две, чтобы тронуться с места.

* * *

Сегодня вечер лампового равновесия был нарушен. Он вернулся домой позже обычного – горячая пора, подготовка к контрольным, частные уроки. Устал. Заварив в большом термосе ароматного чаю с чабрецом и прихватив несколько маминых фирменных пирожков с вишней, он устроился перед экраном, чтобы написать хотя бы несколько ритуальных строк и закончить этот сумасшедший день с чувством выполненного долга.

Хотя кого он обманывал? В голове царила звенящая пустота. С того самого момента, как отдал рукопись в издательство, Ян не смог придумать ничего нового. Словно все музы разом решили покинуть его, сменив место жительства на огромное здание в индустриальном районе.

Но он хорошо знал, как бороться с отсутствием вдохновения, – надо просто перечитывать и править уже написанное. Вначале включались руки, потом глаза, а потом уже мозг раскочегаривался словно большой компьютер, и вот уже слова сами лились на экран из-под пальцев.

За эти пять месяцев он довел свою рукопись до совершенства и твердо решил, что даже если из этого издательства ему ответят отказом, то попытает удачи в других местах. Конечно, изначально этот вариант не рассматривался. Казалось, что напечатать его должно именно то издательство, которое сотрудничает с братом – только так они с Романом окажутся на равных. Но за прошедшие месяцы он сумел убедить себя, что издательство чуть скромнее тоже будет неплохо, в конце концов, он только начинает.

Ян автоматически нажал на иконку приема почты и сразу же увидел замигавшую на экране цифру «1», означающую, что в ящике новое письмо. Решив, что кто-то из учеников прислал сочинение (Ян любил прогресс и с ними частенько общался по электронной почте), без колебаний открыл письмо. Но увидев, что в адресе отправителя стоит название издательства, немедленно почувствовал, как вспотели руки и стало жарко, несмотря на то что прохладный май плавно перетек в не менее прохладный июнь.

Встав и немного походив по комнате, на краткий миг задумавшись, а не позвонить ли ему Алисе, все-таки заставил себя сесть в кресло и прочитать.

Глаза заматались по строчкам, нарушая порядок чтения и выхватывая лишь отдельные слова и фразы:

«Хорошее владение слогом, яркие метафоры, отличный словарный запас... Плоские герои... Непонятно, чего они хотят... Нет интриги... Произведение не несет в себе ничего нового и потенциально интересного для читателя, сюжет практически полностью позаимствован у Романа Полонцева... Рукопись в данном виде не может быть принята...»

Ян перечитал еще раз и еще раз, медленнее, складывая отдельные слова во фразы, но ничего нового и принципиально отличного это не принесло. Смысл письма был достаточно ясен – вы бездарь, мы не будем вас печатать. Вы лишь жалкая тень и плагиатор собственного брата.

Еще раз.

И еще раз.

Ближе к рассвету, когда уснувший дом начал наполняться звуками, еще тихими, но уверенно сигнализирующими о приближающемся утре, Ян медленно встал и выключил компьютер. Подошел к одному из стеллажей, которыми была заставлена маленькая комната. Взял с

полки одну из толстых тетрадей в клетку, которые всегда использовал для заметок. Вернулся назад в кресло. Из термоса налил в чашку уже успевшую остыть сладкую, остро пахнущую тягучую жидкость. Сделал первый глоток. Открыл тетрадь и написал:

7 июня

5.04 Я решил начать вести дневник, мне кажется, что это важно и что это поможет мне в дальнейшем писать лучше.

5.05 Для начала я встал с кресла и подошел к стеллажу, взял толстую тетрадь в клетку и вернулся на свое место.

5.06 Я налил себе чаю из термоса – он уже успел остыть, но мне показалось, что вкус стал более насыщенным и мне он понравился даже больше свежезаваренного чая. Или нет, так нельзя сказать, лучше – у холодного чая вкус приятнее, чем у горячего.

* * *

Мона пришла в себя от звука воды и мерзкого ощущения, что ей снова восемь и она намочила постель. Что-то капало на лоб. Маленькая капля ударялась о гладкую кожу, скользила по ней, достигала носа, стекала и собиралась на самом кончике, вызывая острое желание чихнуть. Девушка открыла одновременно глаза и рот, намереваясь заорать на глупую дуру-горничную, до сих пор не распахнувшую тяжелые шторы и решившую зачем-то налить ей воду на голову. Даже успела сдавленно что-то крикнуть, но когда реальность происходящего обрушилась на нее, оборвала себя на полуслове.

Вчера она удрала от папы, потому что Грегор слил в сеть их видео, вышла на улицу, а потом... что было потом, она не помнила. Провал. Черная дыра. Мона помотала головой и несколько раз энергично моргнула – в комнате по-прежнему было темно. Или это не комната, а подвал? Слишком сыро. Следующим чувством, вернувшимся к ней, был озноб. Она замерзла. Могильный холод сковал руки и ноги, проник под кожу и целился куда-то в область сердца. Девушка попыталась обхватить себя руками за плечи, но ей это не удалось. На краткий миг показалось, что она лишилась рук, и она снова чуть не заорала от ужаса, но быстро поняла, что руки просто связаны за спиной.

Мона поерзала на неудобном лежбище, разгоняя давящую тишину, и тут же к монотонному звуку капающей воды присоединился еще один кошмарный звук – зубная дробь. С легким удивлением она осознала, что издает этот звук сама. Она клацает зубами, но не от холода, а от ужаса. Ее похитили? Потребуют выкуп? А потом убьют?

– Эй! – тихо сказала Мона, словно пробуя слово на вкус.

В полной тишине звук оглушил ее. Казалось, что она находится под церковными сводами – когда-то еще в школе их потащили на экскурсию в очередное аббатство, где они с Кейт, устроившись на задних рядах, попытались потрепаться, чтобы не умереть от скуки, слушая лектора. Но буквально первые же слова прозвучали под серыми каменными сводами с такой мощностью, что Моне пришлось заткнуться, иначе бы ее наказали, лишив права выходить на улицу в течение недели.

– Эй, – повторила она чуть громче.

Глаза начинали немного привыкать к темноте, и она уже не казалась кромешной – на самом верху одной из стен было крошечное слуховое окошко, пропускавшее слабенький пучок света. Его было достаточно для того, чтобы рассмотреть, что она находится в комнате с высокими потолками. Помещение выглядело нежилым и походило на кладовку или нелюбимую комнату богатого особняка, в которую просто свалили старую мебель на время капитального

ремонта. Мона увидела, что лежит на внушительных размеров деревянной кровати, чье жесткое дно было прикрыто лишь тоненьким матрацем, впрочем, нисколько его не смягчавшим. Рядом с ней стоял огромный деревянный шкаф, несколько комодов, в дальнем углу расположились кресло-качалка, вешалка для одежды и еще один шкаф поменьше. Все было расставлено хаотично, без какого-либо намека на стиль или просто порядок. Мона вдруг почувствовала себя игрушкой, которую бросили вместе со старой мебелью в пыльном помещении и забыли, потому что она больше не нужна владельцу.

Девушка попробовала привстать – ей было ужасно холодно и хотелось для начала согреться. Думать было просто невозможно, казалось, у нее мозг замерз. Ноги не были связаны. Она напрягла мышцы живота и села на кровати, немного поерзала и опустила ноги на пол, почувствовала холод даже сквозь толстую подошву кроссовок.

Сверху снова что-то капнуло – Мона задрала голову, но рассмотреть ничего не удалось. Потолок был бесконечно высоким, даже выше того, что у нее в доме. Ей показалось, что она находится в каком-то замке. На них она тоже насмотрелась во время учебы. Британцы обожали старую рухлядь и бесконечно таскали их на экскурсии во владения знати. Каждый раз Мона жалела бедных богачей – босиком по камню не походишь, никаких тебе теплых полов, в спальне согреться можно было, только если в камине сжигали полено. А в туалет вообще в дырки в стене ходили!

При мысли о туалете скрутило мочевой пузырь – Моне отчаянно захотелось его опустошить. Она повертела головой по сторонам и заметила большое ведро, стоящее перед входом в комнату. Встала и снова шлепнулась на кровать – голова закружилась. Посидела минуту, стараясь восстановить равновесие.

– Папа, – тихонько позвала она, с ужасом осознавая, что его рядом нет и ее проблем он не решит. Оставалось надеяться, что выкуп он отдаст как можно скорее, и кто бы ни были похитители, они не будут ее насиловать или убивать.

Осторожно попыталась встать еще раз. Со второй попытки это удалось. Стоило принять вертикальное положение, как комната моментально наполнилась звуками – с регулярностью, сводящей с ума, капала вода, писк и скрежет – мыши, кошка? Ладно, потом разберется, вначале в туалет.

Мона с трудом доковыляла до ведра – передвигаться со связанными за спиной руками было довольно сложно – и устала на крышку. Скованные руки не давали возможности ее снять. Девушка перенесла вес тела на левую ногу и носком правой попыталась сбить крышку с ведра. Та оказалась довольно тяжелой. Попробовала еще раз и еще. С третьей попытки крышка слетела, а писк и скрежет стали более отчетливыми. Мона приблизилась к ведру и, извернувшись, стащила с себя шорты (хорошо все-таки, что под них она ничего не надела). Присев над ведром, она посмотрела вниз и в тусклом свете увидела источник звука. В ведре сидела огромная крыса и внимательно смотрела на полуобнаженную девушку.

Мона заорала так сильно, что сама оглохла от своего крика. Подскочив, она задела ведро и то опрокинулось. Крыса выскочила, мазнув по ее ноге мягкой теплой шкуркой. Девушка перешла на фальцет и чуть сама не захлебнулась своим криком. Она не услышала, как в замке повернулся ключ и дверь отворилась:

– Ну что ж вы так кричите? Вас разве не учили, что девушкам негоже поднимать голос. Ну и встречать гостей неодетой, само собой.

Мона подпрыгнула на месте от ужаса, резким движением натянула на себя шорты и быстро повернулась к говорящему. Она моментально узнала его, хотя свет из коридора освещал только фигуру, оставляя лицо в тени.

– Ах ты ж, сука... – Мона бросилась к мужчине, намереваясь что? Боднуть его, лягнуть, ударить? Она и сама не понимала, но была полна решимости выместить на нем всю ярость и отчаяние.

Но задуманное не удалось. От сильного удара девушка отлетела к другой стене и упала на пол, больно ударившись спиной. Тело обжег холод каменных плит. Кирилл подошел к ней и склонившись спокойно пояснил:

– Урок номер один. Меня зовут Кирилл Евгеньевич, а не сука или какие еще поэтические сравнения могут прийти в твою хорошенькую головку. Обращаться ты можешь ко мне только так и ни в коем случае не повышая голоса. За каждое нарушение правил, установленных в моем доме, ты будешь наказана. Поверь, крыса в отхожем месте покажется тебе пушистым котенком. Жаль, что твой отец не смог воспитать тебя. Но ничего. Теперь твоим воспитанием займусь я, радость моя. И искренне тебе советую мне не перечить.

* * *

День катился своим чередом – Анастасия пила кофе в небольшом вокзальном кафе, наблюдая, как дети продают печенье (продали все, результатом она очень гордилась!), затем отвезла дочь в школу, а сама поехала в спортивный клуб, где час потела на тренажерах, затем плавала, сидела в сауне и расслаблялась в кресле у массажиста, а после у косметолога. Время приближалось к одиннадцати, и ей необходимо было ехать домой: отдать распоряжения к обеду и переодеться – муж прилетал сегодня с переговоров – договорился о поставке крупной партии вина из их шато, и она должна была встретить его во всеоружии, чтобы отпраздновать эту чудесную новость. Прошлый год выдался не очень удачным и продажи упали, но в этом Луи удалось все вернуть на прежний уровень.

Сегодня четверг, и она планировала подать к обеду рыбу. Но стоило утром трубе прорваться, как, естественно, нужной ей рыбы на рынке не оказалось. Об этом сообщила горничная. А покупать филе в супермаркете было просто оскорбительно.

Анастасия прикусила губу – да что же это такое! Невыносимо! Она отправила бестолковую прислугу в мясную лавку – пусть купит два кило парной телятины и приготовит медальоны.

Сама графиня поднялась в свою спальню, обшитую дубовыми панелями и обставленную мебелью в стиле Людовика XIV, зашла в гардеробную, нашла длинную юбку и шелковую полосатую блузку. Переделась и тут заметила, что шелк блузки не разглажен как следует – служанка явно поторопилась. Надо будет провести воспитательную беседу. Подобное отношение к обязанностям недопустимо! Не успела она сформулировать в голове текст претензии, как в дверь постучали:

– Мадам, простите. – Экономка деликатно застыла в дверях.

– Да? – Анастасия отвернулась от туалетного столика, где стояла шкатулка с драгоценностями – каратники надо было поменять на что-то более подходящее к обеду. Она остановила выбор на изумрудах.

– Мадам, Бриджит звонила, сказала, что у мясника нет телятины, у него остались только ребрышки и кусок печени.

Анастасия обессиленно рухнула на стул. Ребрышки? К обеду? Немыслимо! Она закусила губу, чтобы не разрыдаться. Оставалось молиться, что Луи будет в хорошем настроении и не сильно накажет ее за это.

* * *

Мальчонка, открыв рот, глазел на белого кролика, сидевшего в клетке на конторке в почтовом отделении. Начальник почты и по совместительству его родной дед Савельич, хитро улыбаясь, рассказывал карапузу историю жизни маленького зверька:

– Дед мой, Митрич, твой прапрадед, то бишь, охотник был в наших краях самый лучший. Такой, что в глаз лося с трех километров попадал. И на медведя с голыми руками в легкую

ходил. Очень его люди уважали и любили. Если вдруг где какая беда, сразу к нему бежали. Говорили, мол, подсоби, Митрич, лиса повадилась курей таскать или там волк телушку задрал. Дед ружье возьмет, к людям добрым в гости пойдет, всех из дома выгонит, чтобы под ногами не путались, сам в засаду сядет и ночью с закрытыми глазами даже хорька подстрелит!

Мальчонка не сводил глаз с рассказчика, полностью забыв об утренней истерике, которая и послужила причиной визита на почту. Его мама, невестка Савельича, стояла за сыном и весело улыбалась свекру, одной рукой поглаживая уже солидно округлившийся живот, а другой механически перебирая светлые кудри сына, она и сама не меньше мальчика была захвачена очередной байкой свекра. А тот, вдохновленный благодарной публикой, продолжал вещать, опершись на конторку и подперев рукой круглый подбородок:

– Так вот, однажды той страшной зимой, когда луна чуть не столкнулась с солнцем, в лесу не заснул медведь и от того беда великая приключилась. Медведь днем всякие бесчинства творил – то ульи разграбит, то деревья повалит, то рыбу всю в реке распугает, а по ночам ревет так, что людям спать не дает. Ничего не помогало – ни закрытые окна, ни подушки на головах, ни даже свечной воск в ушах. Люди даже помирать начали – а ты попробуй без сна проживи десять дней!

– А я могу! – тут же хвастливо заявил внук.

– Ты да, – важно кивнул дед, – ты ж супергерой, но таких супергероев два человека на всей земле, а остальным без сна никак. В общем, собрались люди и пришли к деду. Мол, подсоби, Митрич, сил никаких нет, отдадим тебе все, что захочешь, только сделай ты что-нибудь с этим медведем. Отчего ж не подсобить, если люди просят? Хорошо, говорит, помогу я вам. Собрался, значит, Митрич, взял рогатину, надел валенки и ушанку и пошел в лес на медведя. Приходит к его берлоге, тычет туда рогатиной, а медведь как заревет, так один дед в селе от ужаса и помер. Ревет, значит, косолапый, но из берлоги не выходит. Митрич опять его потыкал рогатиной – он опять ревет. Он снова туда – снова рев. И так десять раз или даже двенадцать. Медведь ревет, да не выходит. Надоело это Митричу и говорит он медведю – ну если ты не выходишь, значит, я к тебе пойду. И зашел в берлогу!

Глаза мальчонки расширились и, сам того не замечая, он приложил розовые ладошки к щекам, переживая за родственника.

– И медведь его съел? – с робкой надеждой поинтересовался мальчик.

– Нет, что ты! – махнул пухлой рукой Савельич. – Вместо медведя увидел Митрич в берлоге огромного белого кролика! И ревел тот кролик от страха. Он был очень большим и глупым. Митрич это сразу понял, как его увидел. А как только потрепал он его по дурной башке, так тот сразу замяукал чисто твой котенок, прижался к Митричу и не захотел с ним больше расставаться. Что делать-то? Забрал его Митрич домой, положил на печку теплую, прикрыл тулупом, так кролик до весны и проспал и больше никому не мешал. Вот с тех пор и живут у нас в семье белые кролики. А вот этот, – он указал пухлым пальцем на клетку, – это внук того самого кроля.

– А почему он такой маленький? – с легкой тенью недоверия поинтересовался внучок. Невестка отвернулась к окну и закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Так ведь болел он в детстве, еле спасли, – сообщил Савельич, – но то уже другая история. – Он развел руками, рассмеялся, и словно спелые яблоки покатались по налитой осенним солнцем земле.

Внук, нахмутив брови, переваривал услышанное. Светлые волосы мальчонки немного отросли, и он напоминал домового из старого мультфильма – сосредоточенный и деловитый. Весь в отца. Тот был таким же своенравным бандитом в детстве, а как старший брат в Америку уехал лучшей жизни искать, так мигом остепенился, взял на себя полностью заботу о родителях и хозяйстве. Женился, сына родил, второй на подходе. Стал опорой и надеждой Митричу и матери. И хотя сына за многое можно было похвалить и поблагодарить, то, что тот внука ему

подарил, радовало Савельича больше всего. Шибко любил мальчонку и был уверен, что даже если из того не выйдет толку, все равно будет любить и баловать. До конца дней своих.

– А я тоже буду охотником, когда вырасту? – нерешительно спросил внук.

– Ха! Конечно! – без тени сомнения заявил дед. – Это ж уже видно, что у тебя и рука крепкая, и глаз алмаз. И возраст подходящий, самое то на охоту выходить.

– На медведя? – с надеждой в голосе поинтересовался сорванец. Невестка с тревогой посмотрела на сына.

– Ну, к медведю подготовиться надо, – покачал головой дед, – ты вначале должен научиться на конфеты охотиться.

– На конфеты? – Внук снова открыл рот, и сомневаясь, и одновременно надеясь, что дедушкины слова окажутся правдой, а не очередным розыгрышем.

– На них, родимый. Ты беги домой, там они по всему дому уже созрели, но только надо торопиться, а то кто-нибудь другой найдет их и съест! – Последние слова Савельич произнес трагическим шепотом, перегибаясь через конторку и глядя внуку прямо в глаза.

С радостным визгом мальчонка развернулся и, рванув на себя дверь старой почты, выскочил в коридор. Невестка кинулась за ним, на ходу горячо благодаря свекра:

– Спасибо вам, Савелий Савельич, а то никак не хотел домой идти, два часа уговаривала – нет, и все!

– Обращайся, Танечка, – ласково улыбнулся свекор, – Петровне передай, пусть грибной суп сварит, там еще сухих немного осталось.

– Да я сама сварю, – с готовностью пообещала Татьяна, махнув рукой и скрываясь из виду.

Едва дверь за ними захлопнулась, как Савельич подошел к окну, выходившему во двор. С любовью и теплотой наблюдал он, как малыш выбежал на улицу, как мать тут же догнала его и схватила за ручонку. Когда старший решил уехать в Америку, Савельич очень на него рассердился. Он всегда считал, что где родился, там и пригодился. Сын подавал большие надежды, был толковым и спорым на всякие дела, весь в отца – в руках все так и горело, за что бы ни брался. В шестнадцатое лето он сам отремонтировал старый дедовский дом, отыскал какое-то мудреное средство, избавляющее фруктовые деревья от паразитов, кроликов от мора спас, нашел несколько магазинов, куда сдал лишнее в их хозяйстве, что сами не успели съесть да родственникам раздать, и принес в дом первые деньги.

Савельичу принадлежал целый гектар, и каждый год земля с благодарностью расплачивалась за заботу о ней. Старик всегда был уверен, что старший последует по его стопам. Ему не обязательно было становиться председателем сельсовета, как отец (Савельич занимал эту должность более тридцати лет и только выйдя на пенсию решил заведовать почтой), но хозяйству нужна была крепкая рука. Уже и жену ему присмотрели – дочку кума, скромную, красивую, работающую, и тут сын взял и уехал, бросил все на младшего, росшего дураком и раздолбаем.

Вначале вроде как в город уехал учиться, а оттуда и вовсе в Америку махнул. Мать месяц плакала, но сына слезы не тронули. Савельич с ним прекратил общаться и очень сердит был. Несколько лет даже слышать не хотел ничего и жене запретил говорить, хотя подозревал, что та все-таки втихаря с сынком общается.

А сейчас он сына просто жалел. Что тот в своей Америке лишен счастья большой семьи, летних теплых вечеров, когда собирались они с соседями и родственниками за огромным столом и каждый тащил что-то свое – молодую картошку, домашние соленья, чарочку и пироги. Бывало, засиживались до утра, травя байки и делясь тем, что в душе накопилось. Зимой топили баню и прыгали в снег, на Крещение в прорубь ныряли, на Масленицу горы блинов пекли. А осенью лениво отдыхали после жаркого лета, гуляли на свадьбах, рождениях да крестинах. А сын этого всего лишен. Сидит в большом доме со своей тощей женой и двумя киндерами и забыл, поди, каковы собственные яблоки на вкус.

Но бог не отвернулся от Савельича, вразумил младшего и теперь есть у него счастье в виде внука, которого дед, в глубине души, любил даже больше сыновей. Старик с любовью смотрел, как невестка с внуком выходят со двора, не осознавая, что видит он их в последний раз.

* * *

Мона сидела на полу, обхватив себя руками – мучитель все-таки их развязал, многозначительно пообещав, что они ей еще понадобятся. Она решила сразу же пустить их в ход и выщарапать Кириллу глаза, но тот снова отвесил ей мощную оплеуху, от которой она отлетела к стене. На этом ее страдания не закончились. Кирилл больно ткнул ее куда-то в область печени, от чего девушка взвыла и согнулась пополам. Пообещав, что если она не научится себя вести, с ней будут обращаться как с плохой девочкой, удалился.

Мона не знала, сколько времени она просидела на полу. Холод пробрал ее до костей, и ей казалось, что она превратилась в огромный камень, вросла в серые стены и стала их частью. В себя ее привел крысиный писк. Этим тварей она боялась до одури. В голове тут же всплыла одна из немногих книг, прочитанных в детстве, – «Незнайка на Луне» (очень непродолжительный период у нее была нянька, любившая читать ей книги). Так вот там Незнайка попал в каталажку и ночью его друга укусила крыса и он чуть от этого не умер. При одной мысли, что едва она сомкнет глаза, как крыса приблизится к ней и перегрызет сонную артерию, Мона взвыла как раненое животное. Подскочив с пола, она кинулась к толстой деревянной двери, отчаянно напоминающей двери в старом замке, и заколотила в нее изо всех сил:

– Выпустите меня отсюда, папа заплатит вам любые деньги, я никому ничего не скажу, только выпустите, я крыс боюсь!

На ее мольбы никто не отреагировал, и, немного подумав, Мона перешла к угрозам, с удвоенной силой забарабанив в дверь:

– Если со мной что-то случится, папа тебе голову оторвет, сволочь! Его служба безопасности уже ищет меня. Ты покойник!

Но к ее угрозам Кирилл остался так же глух, как и к мольбам. Даже едой для нее не озаботился. Мона пыталась игнорировать все более отчетливое чувство голода – ничего страшного, похудеет. Крыса волновала ее гораздо больше. Неизвестно, сколько она тут проторчит, надо избавиться от такого соседства.

Вначале она решила, что лучший способ обезопасить себя, это залезть в один из старых шкафов и спать в нем. Если плотно закрыть створку, то туда тварь не пролезет. Она подошла к одному из дубовых монстров и потянула на себя дверь – та открылась с ужасающим скрипом. Моне стало страшно – а что, если крысы живут в шкафу? Она совершенно ничего не знала о них и их повадках, поэтому торжественно пообещала себе погуглить что-нибудь, когда выйдет наружу.

Девушка заглянула внутрь – было слишком темно, она ничего не увидела, но лезть все равно было страшно, надо удостовериться, что там никого нет. Присев, протянула руку и прикоснулась к шершавому дну. Тут же одернула ее. И закусила губу, чтобы не разреветься от ужаса, но это не помогло. Слезы хлынули, и Мона, встав на четвереньки, принялась ползать как слепой кутенок, тыча рукой в разные углы шкафа и люто опасаясь, что сейчас прикоснется к чему-то мягкому и теплему.

Повезло. Шкаф был пуст. Зареванная и дрожащая от холода Мона залезла в него и поджала ноги. Думать не получалось, мысли путались, вскоре она снова почувствовала, что коченеет от холода. Надо вылезти и взять с кровати тонкий матрас, укрыться им.

Она с радостью покинула свое временное убежище, в три шага преодолела расстояние до кровати, схватила матрас и тут же услышала писк. Девушка снова заорала – в матрасе что,

живут мыши? Отскочила от тонкого покрытия и разревелась. Выждала какое-то время, утирая слезы рукавом бомбера, и прислушалась – звук больше не повторялся. Может, ей показалось? Она снова схватила матрас и поволокла его к шкафу прямо по полу в слабой надежде, что если в нем есть мыши, они просто вывалятся оттуда по пути.

Забравшись в шкаф, она свернулась калачиком на дне, прикрыла себя матрасом и попыталась закрыть тяжелую створку. Удалось ей это с третьей попытки и стоило двух ногтей.

Положив голову на руки, Мона впала в полузабытье. Ей казалось, что она отплыла в страну снов, но в то же время мозг продолжал работать и решать задачу – как выбраться из логова психа, не имея под рукой телефона, денег и папы? Ответ был один – никак. Она прокручивала и прокручивала эту мысль, и в конце концов ей показалось, что она нашла решение, но точно сформулировать не успела – погрузилась в краткий сон. А когда очнулась от забытья, решение ускользнуло, как шустряя ящерица от неловкого охотника.

Девушка не знала, сколько времени проспала. Тело болело, руки и ноги затекли, и она вскрикнула, пытаясь распрямить их. Сразу же схватилась за шею – убедилась, что крысы ее не прокусили, попыталась прийти в себя и понять, что ее разбудило. Дошло – она проснулась от голода. Мона села, накинула на плечи матрас и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Так, что этот придурок говорил про то, что собрался ее воспитывать? Надо типа прикинуться воспитанной девочкой и тогда что? Думать не получалось, в голове билась одна мысль – если она вежливо попросит, то, возможно, ей дадут есть. Это все, на что она способна. Она же девочка. Папа ей тоже всегда говорил – будь вежлива и покладиста, и тогда ты получишь то, что хочешь. Возможно, он был прав.

Мона вскочила на ноги и тут же вскрикнула – тело словно пробила тысяча мелких электрических разрядов. Медленно, осторожно она начала разрабатывать руки и ноги. С трудом вылезла из шкафа и огляделась по сторонам – в комнате было совсем темно. Наверное, наступил вечер. Хромая и спотыкаясь она добралась до двери и снова постучала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.